

Владимир Козлов

Тюремный шлейф

Горькое молоко — 2

Владимир Козлов

**Тюремный шлейф.
Горькое молоко – 2**

«Издательские решения»

Козлов В.

Тюремный шлейф. Горькое молоко – 2 / В. Козлов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907173-6

Козлов В. «Тюремный шлейф» из серии «Горькое молоко — 2» рассказывает о племяннике Ивана Беды Сергее, которому тоже придётся повторить серьёзные жизненные моменты своего дяди, связанные с лишением свободы.

ISBN 978-5-44-907173-6

© Козлов В.
© Издательские решения

Содержание

Тюремный шлейф	7
Племянник	7
Вдребезги	16
Лоб и пацаны	24
Первый арест	35
Наука Лба	44
Рассказ Ивана Беды и выход из подвала	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Тюремный шлейф Горькое молоко – 2

Владимир Козлов

© Владимир Козлов, 2018

ISBN 978-5-4490-7173-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Козлов. Родился в 1950 году в Горьком. Трудится начинал строителем, матросом, металлургом. Большую часть в своей жизни отдал спортивной работе. Огромный жизненный опыт привёл его к литературной деятельности. Автор книг; Родиться Царём, Сестра Морфея, Седьмое небо, Танго Скорпионов и других произведений.

Тюремный шлейф

Племянник

Сергей Беда, которого во дворе все звали Серый, считая родного дядьку Ивана за старшего брата, тоже рос вначале футболистом, но после разрыва сухожилия на ноге по рекомендации медиков оставил футбол, и переключился на греко – римскую борьбу. Он быстро освоился в борьбе и за короткий срок начал занимать высшие ступени пьедестала почёта. Но как назло медики обнаружили у него после ангины осложнение на сердце и запретили заниматься и борьбой. Расти обыкновенным фикусом, он не хотел. Душа просила движений и он, пренебрегая всеми запретами медиков, продолжал заниматься борьбой и иногда в своё удовольствие приходил на стадион, чтобы побаловаться с футбольным мячом. Если в спорте у него все шло как по маслу, то поведение его оставляло желать лучшего. Живя около школы, после каждой его проказы учителя постоянно приходили к нему домой жаловаться. Нередко вместо матери в школу по вызову ходил Иван.

...За прошедший учебный год Серый особо не докучал своим поведением школе и походы жалобщиков заметно сократились. Всё – таки забота о племяннике сыграла положительную роль.

Наступили летние каникулы. По планам матери они должны были быть интересными, так – как намечалась туристическая поездка по Волге на теплоходе. А так же отдых в пионерском лагере обещали много положительных впечатлений. В первый день каникул Серёжка проснулась рано утром. От ярко бьющих лучей солнца, которые раскинулись на его постели, ему прятаться не хотелось. Настроение было хорошее, он резво поднялся с кровати и пошёл в ванную. После водных процедур, съев на столе приготовленный матерью завтрак, вышел из дома на улицу. Возле дома пацанов не было. Он перемахнул через забор садика и пошёл вглубь, где стояли скамейки, место сборища дворовой ребятни. На скамейках сидели его друзья и одноклассники, Вовка Беркутов он же Туман и Витька Перо.

С ними Беда водил тесную дружбу. Оба они являлись ещё его прямыми родственниками. Да что там говорить, – человек двадцать мальчишек находились в родстве с Бедой.

Ребята сидели и чинили большую двуручную корзину.

– На рыбалку что ли собрались? – спросил их Сергей.

– Да, – пойдёшь с нами? – предложил ему Туман, – мы вчера этой корзинкой набрали семь стерлядок и двадцаток щурят, и мелочь прочую, которую не считали.

– А где бродили? – поинтересовался Сергей.

– На Уме, там после половодья много рыбы с Волги зашло, – подтвердил слова Тумана Перо.

...Ум, – это было болото, стоявшее около города, окружённое рекой Везломой, и речкой – Качкой, так местные жители называли небольшой водоём, который к исходу лета постоянно высыхал. Весной, когда остроносые ледоколы вскрывали лёд, и он вместе со снегом таял, происходил большой разлив Волги. Все речки и бакалы наполнялись волжской водой. С ней вместе заходила различная рыбёшка, и мальчишки вылавливали её по несколько килограммов сачками для бабочек, корзинками или завязанными на узел майками.

– Я с удовольствием поброжу с вами. Рыбы жареной хочу, особенно стерлядки, – без лишних разговоров согласился Беда.

...Подремонтировав корзинку, они втроём двинулись к Уму. Раздевшись до трусов, Туман и Перо первые полезли бродить с корзиной, Беда стоял на берегу с самодельным садком для рыбы.

Первый проход, принёс четыре небольших стерлядки. Воодушевлённые таким началом, они бросились вновь в болото. Каждый заход они вытаскивали не меньше двух приличных рыбин, мелочь они выкидывали назад в болото. Садок в руках Беда заметно тяжелел. Он захваченный азартом удачного улова, тоже разделся и подменил своего родственника, которому вылезать из воды никак не хотелось. Перо шёл по берегу вслед за ребятами, держа в одной руке увесистый садок с рыбой. Когда они дошли до конца болота, то увидели за бугорком стоявший передними колёсами в воде москвич Вальки Куркуля, – дворового ассенизатора. Сам Куркуль с засученными до колен штанами, тряпкой мыл свою машину. Всех ребят он знал, жил с ними в одном дворе и относился к ним, как к шпане. Они частенько измывались над ним, своими проделками, то помойку припрут доской, или быстро вколотят большой гвоздь, пока Валька на корячках выгребал от стенок объёмного ящика – помойки мусор. Мало того ещё дымовую завесу сделают из расчёски. Зажгут и кинут внутрь, а один раз подбросили самопальную взрывчатку. Взрыв получился сильный, который прокатился по всему двору. Контузии Куркуль конечно тогда не получил, но с вилами отсиживался в своём «ароматном» схроне до прихода управдома.

Управдом, – бывший инженер по технике безопасности, тщательно обследовал рабочее место. Не найдя ничего опасного, что могло бы нанести вред здоровью Куркуля, давал ему команду для возобновления его экологических обязанностей.

Валька, считался самым противным мужиком во дворе. К ребятам относился без симпатии, а если быть точнее, – с враждебной ненавистью. Он постоянно ждал от них подвоха и всяких пакостей, на которые на его взгляд, у них имелся сатанинский дар.

Сейчас он, молча, мыл машину и не спускал со знакомых мальчишек глаз.

– Как бы чего не вытворили эти шакалы с машиной, нужно внимательней с ними быть? – бормотал он себе под нос.

...Ребятам было не до Куркуля, они увлеклись ловлей рыбы, после каждого гребка, из корзинки на берег летела рыба, которую Перо перекладывал в садок. Функция кладовщика ему изрядно надоела, а из воды выходить никто не хотел. Тогда он поставил садок на травку, завязал узел на майке и полез в воду попытать счастья в болотной путине.

Валька Куркуль в то время, не домыв, до блеска машину, неожиданно собрался, завёл свой автомобиль и уехал.

Ребята прошли вперёд метров пятьсот и стали возвращаться берегом назад, подбирая выброшенную рыбу. Там где Витька Перо оставил садок, его не оказалось. На траве валялись только его штаны и рубашка.

– Это Куркуль, говносёр задрипанный стырил, – сделал заключение Беда, – кроме него некому. Надо домой к нему идти, а то он сожрёт всю рыбу.

– Он может и продать её, и ничего мы ему не докажем – с досадой вставил Туман. – Может, давай дядьке твоему пожалуемся, – предложил он Беле.

– Никогда и нигде не произноси такого слова «пжалуемся», меня так дядька учил, – изрёк Серый урок Ивана – Правильно нормальные мужчины говорят, обратиться за подмогой, или вытащить крысу на разбор. А сегодня хоть, как говори, всё равно дядьки нет. Он уже неделю, как в больнице лежит. Поясница болит. За собаками Манана ухаживает, а я как всегда за голубями.

Мальчишки стояли в оцепенении и не знали что делать.

Один Беда не унывал и, в его взгляде чувствовалась, какая – то оптимистическая решительность:

– Ладно, парни, пошли ближе к дому, а там видно будет. Он от нас никуда не денется. Устроим ему мусорный круговорот.

...С этими словами Беда переложил рыбу последнего улова из корзинки в майку Витьки, и они тронулись в город. Выйдя с луговых просторов на улицу они шли и громко вслух разрабатывали коварные планы мести для Куркуля, а они были разнообразные и изощрённые.

Вовка Туман надумал ему проколоть колёса и насыпать пшена на крышу салона машины, чтобы вороны полакомились и превратили в решето крышу.

Беда выслушал все эти затеи, почесав затылок, произнёс:

– Я согласен на что угодно. Таких гадов надо карать, как врагов народа. Поэтому всё нужно подготовить тщательно, чтобы не получилось, как с бутылкой карбида. А про свою месть, я вам после расскажу, когда ваши планы реализуем.

Проходя мимо городского военкомата, ребята увидели дядю Гришу Часовщика, – вора в законе с их двора.

Никто не знал, сколько ему лет, так как выглядел он сочно, особенно когда не пил водку. Хотя дед Сергея, Роман Николаевич, говорил, что Часовщику перевалило за шестьдесят лет, и они в детстве учились вместе и дружили.

Часовщику, как инвалиду выдали автомобиль с ручным управлением, и он раскатывал на нём по городу не редко, находясь под хмельком. Но при острой необходимости блатной комитет выделял ему персональный транспорт с водителем. В этот раз он был на своём таракшущем «луноходе»

– Давай к дяде Грише подойдём, он нас подвезёт на своей инвалидке, всё не пешком идти, – предложил Беда.

Они обошли вокруг машины, и встали перед лобовым стеклом, чтобы дядя Гриша их заметил. Его даже упрашивать не пришлось, он первым заговорил с ребятами.

– Домой идёте? – спросил он. – Садитесь, сейчас поедem, майора вот дождусь, часы ему надо посмотреть.

Дядя Гриша открыл дверку автомобиля, давая понять, чтобы они усаживались. Ребята протиснулись в его тесную коробочку, и довольные уселись.

Майор появился через пару минут. Он протянул дяде Грише карманные часы с тусклой цепочкой, и они тронулись с места.

– С речки идёте? – спросил Часовщик у ребят.

– На Уме рыбу ловили корзиной, а корзину забыли, – вдруг вспомнил Беда.

– Если она на месте, никуда не ушла, вернёмся и заберём, – успокоил их дядя Гриша.

– А рыбы много поймали? – вопрошал он.

– Прилично, почти целый садок шурят и стерляди, а домой несём несколько штук, – Валька Куркуль украл. Он там машину мыл и увёл садок, пока мы в болоте бродили с корзиной, – сказал Беда.

– Такой грешок за ним водится. На руку он не чист, но мы его за жабры сегодня у дома возьмём, за ваших шурят. Не открутится, – пообещал дядя Гриша.

...Спустившись быстренько с косогора на берег Ума, они к своему удивлению увидели машину Куркуля стоявшую на первоначальном месте. Громко таракшя, инвалидка подъехала к москвичу.

Валька, как и прежде с тряпкой и засученными штанинами, наводил косметику своему авто, будто и не уезжал никуда.

– Эй, ароматный мой, а ну чеши сюда, – подозвал его дядя Гриша.

Куркуль положил тряпку, на капот и с подобострастной улыбкой подошёл к Часовщику. Глаза его заискивающе бегали и выдавали вину ассенизатора:

– В чём дело, Григорий, поломался что ли? Движок рычит, словно трактор, – будто со знанием дела поставил он диагноз двигателю.

– Ты, вот что, когда мне понадобится, по этому вопросу к кому – то обратиться. Я найду специалиста, а ты крыса позорная верни пацанам рыбу, иначе я тебя беременным сделаю, – и дядя Гриша показал ему опору, одетую на кулак как кастет.

Эту опору он постоянно использовал, находясь не за рулём, а на своей передвигающей тележке. Опора являлась неотъемлемой частью его передвижения.

Куркуль догадывался, что дядя Гриша готов применить свой вспомогательный инвентарь не по назначению. А бил он, ей беспощадно, оставляя болезненные следы на долгую память. Но скупость и алчность брала верх над сознанием Вальки.

– Гриша, ты что? Ей богу, ничего не знаю, – да зачем она мне? Я поеду сейчас в посёлок Нобель и куплю любой рыбы у рыбаков. И стерляди, и щуки, чего душа пожелает. Зачем мне болотная зараза? – оправдывался Валька.

То, что он врёт, у ребят не вызывало никакого сомнения:

– Откуда ты знаешь, что в садке была щука и стерлядь? – пронзительно закричал на него Беда, – и щука на Нобеле не ловиться, гони рыбу назад паскуда.

– Перестань оскорблять меня, я постарше тебя буду, и не кричи, как иерихонская труба, а то ремень сниму и выпорю, если мать тобой не занимается, – осмелевшим голосом накатывал он на Беду. – Какая в садке была рыба у вас, я видал. Вы же подошли с корзинкой вплотную ко мне. Кстати корзиночку свою забыли, а я подобрал, чтобы возвратить. Спасибо бы сказали, а не накидываться с обвинениями незаслуженно на честного человека, – перешёл на обиженный тон Куркуль.

Он открыл багажник, достал корзину, и бросил её на траву.

Наступила очередь атаковать Вальку, Беду и Перу.

– А ну покажи нам багажник и салон? – осмелел Беда.

– Может там и садок наш, где затерялся, – буром шёл Перо.

– Ещё чего, у меня милиция не проверяет, а вы будете вынюхивать по моей машине. Не позволю, – отрезал Куркуль.

– Милиция не подходит к тебе и твоей машине по одной причине. От тебя за версту тащит говнецом. Чтобы с тобой общаться, нужно противогаз надевать, – не вылезая из машины, крикнул Вальке дядя Гриша. – Дай мальчишкам убедиться, что их пропажи у тебя нет, а если найдут, забирать назад всё равно не будут. После тебя кошки есть не станут, – нагнетал своё влияние дядя Гриша.

– Я сказал, не позволю, – категорически заявил Куркуль. И с этими словами он быстро юркнул в свою машину.

Выехав задом из болота, он резко развернулся. На его пути стоял Беда, в руке Сергей сжимал засохшую половинку чёрного хлеба, которую подобрал с травы:

– Отдай гад, рыбу? – угрожающе, размахивая горбушкой, весомо произнёс он.

...Москвич медленно двигался, упираясь передком на Серёжку пятившегося задом. Куркуль обратил внимание, что у Беды в руках хлеб. Но какой свежести он был, Валька не подозревал. Он зловеще ухмылялся, напористо направляя автомобиль на возмущённого мальчика, но недолго. Беда автоматом запустил горбушку в стекло и молниеносно отпрыгнул в сторону. Хрустальным дождём осыпалось стекло из сталинита. Мелкие осколки попали в лицо Куркюлю. Из ранок текла кровь, заливая глаза и рубашку.

Беда с пацанами, не раздумывая, бросились наутёк вдоль берега.

– Угробили, сволочи, и машину и меня, я остался без глаз. Очи, мои очи, – причитал Валька, где я куплю теперь такое стекло, оно дорогое. Десять лет машине, ни одной царапины не имела, а эта шантрапа за минуту уделали её.

Дядя Гриша подъехал поближе к Куркюлю, поставив свою машину параллельно носу москвича. Приоткрыв дверку машины, Часовщик внушительно его предупредил:

– Попробуй только капни на ребят, усугубишь себе жизнь. Сам натворил дел, теперь сиди и не вякай, барбос беспородный. И не визжи, как резанный. Сходи на водоём, умойся, ничего с твоими глазами не случилось.

Он надавил на рычаг газа и, громыхая, его инвалидка устремилась вверх по косогору в город.

Беда в то время с ребятами, огородами и проулками пробралась к сараям.

– Пошли в голубятню, чуточку пересидим там. Ключи у меня есть, – он показал связку ключей, привязанных на резинку к спортивным штанам.

– А с рыбой, что делать будем? – испортится ведь, – спросил Туман у Беды.

– Делить между собой нам нет никакого смысла. Достанутся крохи, отдадим её Портных, они на всю семью ухи наварят.

– Как думаешь, задел, я ему глаза или нет? – переживая, спросил Беда у Тумана.

– Думаю, что нет, если бы в глаза попало стекло, он самостоятельно едва – ли пошёл к болоту обмываться. И вообще я читал, что сталинит редко ранит водителей при хлебно-гранатных ударах. Да ты и сам – же видал, как он выходил из машины и шёл к болоту, – успокоил его Туман.

– Вон дядя Гриша проехал, – увидал в щель между досок инвалидку Витька Перо. Вот бы у кого узнать?

– Я пойду, сбегая быстренько к нему, и опять сюда приду, закрой за мной дверь, – сказал Беда Туману.

Он спустился с полки и побежал к инвалидке. Дядя Гриша в машине, протирал тряпочкой приборы на панели. Серый, запыхавшись, влетел в салон, и сел на переднее сидение.

– Что там дядя Гриша? – Как Куркуль, глаза я ему не испортил?

– А это ты хулиган? – взглянул на Беду часовщик, – ну ты дал. Я по правде не ожидал, что ты решишься на такой «подвиг.» – Страшного с ним ничего не произошло. Лицо немного поцарапало осколками, но крови много пролил, как с хорошей свиньи. Я его предупредил, чтобы он возню с милицией не затевал, но Валька такая скотина, от которой всякого ожидать можно. Меня прицепом с вами могут прихватить. Поэтому на всякий случай давай мы с тобой договоримся, как тебе говорить нужно. Слушай и запоминай, что я тебе скажу:

– Первое, – сейчас идёт нерест. Рыбу ловить запрещено. Будете говорить, что ловили её, чтобы выпустить в Волгу, так как она в болоте погибнет при его осушении.

Второе, – будете говорить, что он ехал на тебя, упираясь в грудь своим москвичом, и выхода, чтобы остановить наезд, ты никакого не видал, поэтому остановил его таким способом.

И третье, – вы приехали на берег за корзиной, и что я ни о какой украденной рыбе не знал, и с Куркулем ни о чём не говорил. Ну, а из машины вы знаете, что я не выходил. С участковым если что, я переговорю. Он меня уважает, и часто ко мне обращается со своими проблемами, несмотря на моё героическое – штрафное прошлое. Короче, ты понял, как вам стряпчему нужно будет говорить. Только не сверните с курса, и всё будет путём.

– Понял дядя Гриша, всё понял, побегу мальчишкам расскажу, они в сарае сидят, ждут меня с новостями.

Беда закрыл за собой дверку машины, посмотрел в сторону своего подъезда. Пока обстановка не предвещала для ребят ни каких скандальных огорчений, и это успокаивало.

...Вечером, в мягкой форме у Беды состоялась беседа, с матерью. На следующий день Серёжка в присутствии матери и Ивана давал показания следователю в отделении милиции. Случай этот во дворе Сергею прибавил негативной славы у бабок. А вскоре состоялся суд, по факту хулиганских действий и порче частного имущества. На процессе не было ни адвоката, ни обвинителя. Всё решал судья и два заседателя. Судья говорил Сергею Бедо о кошунственном отношении к хлебу, в то время, когда идёт битва за урожай. Матери и Ивану была прочитана

лекция о переходном возрасте и правильном воспитании подрастающего поколения, не забыв при этом упомянуть работы известного педагога Антона Семёновича Макаренко.

Суд установил факт похищения Куркулём рыбы.

Он признался в этом сам, опираясь на запретное время нереста. Говорил, что рыбу выпустил всю в воду, так как множество рыбы было с икрой.

На вопрос судьи, куда он дел садок и почему не вернул ребятам его, ничего вразумительного он ответить не смог.

Затем на своей карликовой коляске, шумно стуча опорами, в зал заседаний въехал дядя Гриша, от которого досталось и Куркулю и судье:

– Я требую вызвать в суд плотника ЖКО, Коробова Ивана, он прояснит ситуацию о дальнейшей судьбе рыбы, – возмущался он. – Вечером, того дня Иван пришёл ко мне под мухой за часами своей жены. Я по его просьбе чинил их. И мне он похвалился, что был у Вальки Куркуля в гостях, Отмечали у него день республики Италии. И пил у него Померанцевую водку, закусывая жареной стерлядью и шучкой.

Валька Куркуль, от свидетельской речи инвалида окаменел. Руки его нервно затряслись. Он пытался на языке пантомимы оправдаться, но дар речи у него неожиданно исчез, а трясущаяся жестикуляция рассмешила судью и заседателей.

– Иван у меня в машине сидит, – продолжал дядя Гриша после непродолжительного смеха, – я предвидел это. – Правдивость моих слов он может засвидетельствовать. Судить Куркуля надо за намеренную попытку наезда на ребёнка, а вы детям трибунал уготовили. Стыдно, уважаемый суд.

Высказаться дяде Грише свою пылкую речь до конца не дали. Его милиционер по просьбе судьи удалил из зала. Приговор зачитали для Клавдии Романовны Беды щадящий:

«За причинение материального ущерба Косикову Валентину Захаровичу, взыскать с Клавдии Романовны Беда штраф в размере двадцати пяти рублей».

Все остались, удовлетворены, кроме Вальки. Он вышел из зала пристыженный судьёй и публикой.

А перед входом в здание суда стояла, инвалидка дяди Гриши с открытыми настежь дверями. Завидев выходящего Куркуля, он яростно на всю улицу заорал:

– Гнида болотная, тварь помоечная. Рыбки халявной захотел испробовать. Подавился петух кашкарский.

Прохожие оглядывались, подходили к дяде Грише и делали замечания ему за бранные слова, но он не обращал внимания, ни на что. Слишком сильно его распалил истец Косиков.

А Куркуль набывчившись летел на всех скоростях, сшибая прохожих на своём пути, лишь бы не слышать площадной брани о себе.

... Через три дня Сергей Беда на теплоходе отправился отдыхать по Волге.

«Лучший отдых на воде», – висела панорамная реклама на набережной речного порта.

Две недели Сергей Беда наслаждался таким отдыхом, на комфортабельном теплоходе Тарас Шевченко, – это был плавучий лагерь для пионеров и комсомольцев.

Затем наступили обычные будние дни в провинциальном городе. С утра до вечера на речке, а с наступлением сумерек, с друзьями шли спать в сарай. Иногда ходили в парк посмотреть через ограду на танцы, а когда повезёт и драку увидеть можно. Обычно дрались за пределами танцевальной площадки, где густые кусты прикрывали нарушителей спокойствия.

Интереснее было смотреть, когда после танцев бились стенка на стенку. Там со стороны мальчишкам можно было оценить, кто чего стоит. Выделить лучшего бойца и труса. Здесь дрались серьёзней, зачастую пускали при необходимости и ноги в ход. Победённые считались те, кто обращался в бегство. В основном все драки происходили за девушек. Урки на танцы не ходили. Появлялись только тогда, когда их просили знакомые, помочь одолеть или при-

струнить более сильного зарвавшегося танцора. В городе их не так много было, в основном это люди бывалые, которые испробовали вкус тюремной пайки, и небольшое население города практически знало их в лицо, или были наслышаны. Для обывателей эта категория людей считалась, запретной, неприкасаемой, их остерегались, избегали. Считали, что такие люди на всё способны. Одним словом бандиты, – хотя в те времена слово бандит, банда исчезли из обихода русской речи, больше применяли шпана, шайка. Преимущественно эти люди происходили из простого народа, где нужда и другие житейские проблемы ложились тяжёлым бременем на психику человека.

...Вечером в садике Беда, Дюков Колька и Валерка Рубин играли в карточную игру «бура.» Дюк с Рубином были между собой неразлучные друзья. У Кольки, отец был кадровым военным, а мать заведующей столовой. Дюка худого и долговязого, Рубин называл Костыль. Говорил ему часто, если бы он имел мать с такой профессией, то мясом высшего сорта он наверняка бы оброс. Рубин единственный в семье ребёнок, был упитан не в меру. За лишний жирок, Дюк называл его Салёпа. Эта кличка за Валеркой утвердилась на долгие годы.

Играли они в карты по копейке. Дюку везло в этот день. Ни Беда, ни Салёпа, выиграть не смогли у него ни одного кона. За игрой они не заметили, как из густых зарослей к ним подошли Беляк, Гарик и Фрол, – это были взрослые урки двора. В руках у них было три бутылки вина и банка воронежской закуски.

– О, пацаны, привет, в стирь режетесь, – поприветствовал Фрол всех. – Вы играйте, мы вам не помешаем, присядем рядышком, по пузырьку раздавим.

– Привет, садитесь, места всем хватит, – ответил Дюк, двигаясь на середину лавки, чтобы уступить им место.

Гарик достал перочинный ножик, оббил сургуч с бутылки, и вогнал в пробку штопор. Вино они пили из одного стакана и вели разговор в основном о женщинах.

Пацаны, шумно продолжали играть. Кон обратно забрал, Колька.

– Ну и везёт тебе сегодня Дюк, как никогда, – сказал Беда.

– Везёт, как кобыле весной, – вмешался Беляк. – Он же вас дурит, как лохов, вы посмотрите на его длинный ноготь, на мизинце. Колька карты месит на себя, нарезая их, так как ему нужно. Половина колоды надрезается, сзади сидящим игроком и скользит по коготку. Лучшая карта будет у Дюка, вот и весь фокус.

Колька понял, что попался и начал оправдываться:

– Я, пошутил, я только учусь. Надо где – то практиковаться. С чужаками сядешь играть, поймают, физиономию набьют. Да и выиграл я у вас на две пачки сигарет.

– И мы по физии можем нахлопать не хило, – ответил ему Салёпа, бросая карты с размаху на землю.

– Валерка, чего ты волну гонишь? Я же хотел эффект произвести, а потом раскрылся бы. Этот трюк годится, когда играешь на пару с кем – то.

...Беда размышлял, он понял, что из него сделали дурака. Дюк – этот жердина, которого, дворовые пацаны называли ещё одной позорной кликухой «Сикель», решил из него сделать лоха. Серый этого снести не мог. Колька был старше его на два года. С Валеркой они учились в одном классе и когда вздорили между собой, то ненадолго. К Серому, подкатил в это время ненавистный ему соратник «Гнев». Он понимал, что в подобном образе выглядит, не совсем нормально, но гнев придавал Бедо дополнительные силы, при этом разум в таком состоянии его не покидал. Гнев он создавал искусственно, для подавления более сильного противника.

Валерка и Колька до этого с Бедой не имели, никаких инцидентов, считая Серого за салажонка.

Сергей встал с места, вперился своими большими и злыми глазами в сторону обидчика, задрал голову кверху. Дюк был явно выше Беды.

– Ты что же Сикель творишь среди своих пацанов? – За такие дела, за сараями пальцы мужикам рубят.

Кольке не понравилось, что Беда назвал его Сикелем. Тем, кто слабее его, он за это отвечивал оплеухи.

– Это кто Сикель? – ну ка повтори прыщ недозревший? И после этих слов он небрежно толкнул ладонью в голову Беду.

Сергей пошатнулся и упал на спинку скамейки. Гарик погрозил Дюку пальцем, но этот жест был запоздалым, так, как Беда с молниеносной реакцией бросился на Кольку. Цепко схватив обеими руками за его рубашку, резко натянул на себя и мощно ударил головой в лицо. Тот взвыл от боли и закрывшись ладонями, упал навзничь на противоположную скамейку. Беда почувствовал, что сзади против него пытается применить силу Валерка Салёпа. У них завязалась борьба, но ненадолго. Валерка обхватил согнувшего Серого за поясницу. И тут же попал Беду на любимый его приём. Сергей Салёпе показал контрприём. Ноги Валерки задрожали кверху, и тело рухнуло за пределы лавки. Салёпа крутился по траве, держась за правое плечо, и взывал от боли. Дюк же, выплюнув два окровавленных зуба на скамью, быстро убежал с места побоища.

К Валерке подошли Беляк и Фрол.

Гарик восхищенно смотрел на Беду:

– Вот это ты дал, двух шифоньеров завалил за секунду! Лихо ты Валерку на приём поймал!

– Он мне руку кажется, сломал чертёнок, – стонал Валерка, – больно мне, я рукой пошевелить не могу.

– Беляк и Фрол помогли подняться ему. Отряхнули штаны и расстегнули рубашку.

Не обнаружив на теле явных переломов, успокоили его:

– Салёпа, у тебя нет никакого перелома, это вывих, – поставил диагноз Гарик. – Сходи в сарай к Шиповнику, он тебе поставит руку на место, – посоветовал он. – И на будущее знай, что голуби беркуту не соперники.

Гарик, не просто так напомнил про беркута. Он знал, что в роду у Беды есть футболисты под такой фамилией. И на поле Ивана чаще называли Беркутом, а не Бедой.

Беляк посмотрел в небо:

– Вон его голуби, он точно сейчас в голубятне. Давай я провожу тебя до него? – предложил он.

Беда, не оставил Валерку без внимания, тоже пошёл с ними. Он понимал свою вину, но оправдание себе всегда находил. Улица учила его бить первым.

Вася Шиповник, – имел фамилию Портных. Это была потомственная многодетная семья травников. В их роду ни у кого не было меньше шести детей. За чрезмерное увлечение собирать эти растения в лесу, Портных нарекли Шиповником.

Он был неплохим костоправом, и травмированный люд часто обращался к нему за помощью. Отказов он никому не делал и плату взимал только в жидком виде. От принесённой бутылки спиртного, в качестве гонорара, никогда не отказывался.

Дядя Вася посмотрел травму Валерки, почмокал губами и спросил:

– Где тебя так угораздило? – я тебе ничем не помогу, к врачам надобно идти. Похоже, перелом ключицы, – поставил он диагноз.

Валерка соорудил страдальческую гримасу, но вёл себя мужественно, стонов не издавал.

– Боролись они с Бедой. Валерка, на приём ему попался, – ответил за него Фрол.

Салёпа, с испорченным настроением и болью в плече отправился домой, а Серёжка с Беляком и Фролом пошли назад в садик. Они допивали своё вино, закусывая воронежской закуской, расхваливали смелость и прыть Беды:

– Ты весь в дядьку, – говорил Беляк, – он в молодые годы тоже спуску никому не давал. Мы помним его героическое и недавнее прошлое. Как папой стал, так и прекратил баловать. А ещё у тебя дядька Захар есть. Тот, наверное, круче Ивана будет?

Тут влез в разговор Гарик:

– А я думаю, Иван Беда рядом с Захаром будет величественней смотреться. Просто он сейчас живёт для семьи, а не для улицы. И уверен, он способен нос оторвать, любому кто посягнёт на его безопасность.

Серёжке льстила высокая оценка о нём взрослых парней, – можно сказать мужиков. Тем более они считались тяжеловесами среди городской шпаны.

– Слушай Серый, ты держись нас, – говорил захмелевший Гарик, – мы тебя в обиду не дадим. Откровенно говоря, ты сегодня доказал, что сам за себя можешь постоять, но в жизни всякое бывает.

– А хочешь, мы тебя с ночёвкой на рыбалку возьмём в субботу, на остров, – сулил пьяный Беляк. – На моторной лодке поедem, соглашайся, не пожалеешь?

– Ага, и клёвых шлюх прихватим, червяков на крючки насаживать нам будут, – добавил Фрол.

– Нет, в субботу меня уже в городе не будет, я в спортивный лагерь уеду послезавтра, – отказался Сергей. – Когда с лагеря приеду, тогда можно съездить.

...На улице темнело. Сергей знал, что у подъезда его должны ждать Туман и Перо, чтобы идти спать под воркование голубей на ночлег в сарай. Он по – мужски, пожал на прощание всем руки и ушёл.

Салёпе на следующий день наложили гипс на ключицу. Шиповник оказался прав в поставленном им диагнозе.

Колька Дюк, без зубов ходил до поступления в военное училище. О, происшедшей между ними стычки, из взрослых никто не узнал. Драка эта, злости и ненависти друг к другу ни в ком не породила. Забылось всё за лето, а участники боя стали неплохими приятелями в дальнейшем. Сергей уехал в лагерь, после которого началась мучительная для него школьная пора.

Вдребезги

В день учителя в школе произошла кража.

В учительской были очищены все карманы и сумочки. Техничка боясь, что ответственность за происшедшее ляжет на неё, свалила нагло это деяние на Витьку Перо и Беду. Сказав, что она лично видала их, как они выходили из учительской. Директор и учителя необоснованно накинулись на ребят. В школу вызвали участкового и инспектора по делам совершеннолетних Моисеева, который жил в одном доме с Бедой. Участковый Власоедов восседал в кресле директора школы, а Моисеев с директором сидели напротив его. Перед ними сбоку, как на скамье подсудимых, сидели Перо и Беда.

– Вы оба отсутствовали на уроке математики. В это время произошла кража. Я предлагаю вам добровольно сдать похищенное. При этом обещаю, что уголовного дела заводить не будем на вас. – Правильно я говорю, Михаил Иванович? – обратился Моисеев к директору школы.

– Я с ними предварительно уже разговаривал, но они отрицают своё участие в краже и говорят, что в учительскую не заходили. Вижу по глазам, что лгут. Одного не пойму, зачем вам косметика женская? – спросил Власоедов.

– Мы вам уже говорили, что понятия не имеем, ни о деньгах, ни о косметике. И, действительно, сами подумайте. Ну, зачем она нам?

– Я знаю зачем, – сказал директор, – её можно продать или подружкам своим подарить.

– Подружки у вас Михаил Иванович, а у нас одноклассницы, – развязано заявил Беда и тут же за свои слова получил увесистый подзатыльник от директора.

Беда проглотил, молча эту обиду, нагнулся и снял с себя одну кеду с ноги. С силой ударил ей по столу перед лицом директора и участкового:

– Вот вам возьмите, – заорал он на них. – Если мой след найдёте в учительской. Пойду добровольно котомку с сухарями собирать. Перо, снимай и ты свой башмак? – скомандовал он другу.

Витька никогда шнурками не пользовался. Он только носком левого башмака, попридержал каблук правого башмака и, согнув колено, взметнул ногу вверх. Башмак с лёгкостью взлетел над столом и опустился перед самым носом директора.

...От такой неординарной выходки все присутствующие в кабинете остолбенели. Когда директор пришёл в себя он со всего размаху запустил башмаком Витьки Перова в свою дверь.

– Вы посмотрите, как они над нами издеваются? – заорал Михаил Иванович.

– Мы не издеваемся, а даём вам возможность, убедится в нашей невиновности, – не ослабляя тона, крикнул Беда.

– Забирайте свою обувь, и идите на урок, – сказал Власоедов.

Ребята вышли из кабинета:

– Вот тварь, какая эта техничка, – зло сказал Беда. – Пошли её напугаем? – предложил он Витьке.

– Пошли, – охотно согласился он. И Витька довольный, поспешил за своим другом.

Техничка Вера ещё нестарая женщина, стояла в дверях и обсуждала кражу с одной из родительниц школы.

– Ну, всё тётя Вера, крах тебе скоро настанет, – угрожающе сказал ей Беда. – Они с лупой всю учительскую облазили. Отпечатков нашей обуви не нашли, теперь за клевету Власоедов тебе статью нарисует.

– Он сказал, что ты специально следствие по ложному следу пустила. Наверное, сама все карманы у учителей почистила, – без смеха сказал Перо.

– Я разве позволю себе такое, – расширила она от услышанного глаза, – я восемь лет в школе работаю, ничего подобного не было. – Тряпки половой домой не взяла, – возмущалась она.

– Вот и Михаил Иванович так сказал. А Власоедов говорит, у нас в подвале во всём признается. Ласточку ей сделаем, пальцы в дверях прищемим. Поняла тётя Вера? – сказал угрожающе Беда. – Пытать тебя будут.

– Ой, боже мой, да за что мне такое наказание, – запричитала техничка, – что мне делать теперь?

– А ничего не делать, – промолвил Беда, – если не хочешь чтобы в подвале гестаповцы тебе ласточку делали, и мешок без воздуха на голову одевали, иди признавайся. Директор ждёт тебя. Я слышал, как он говорил, что Вера должна осознать свою вину и зайдёт к нему в кабинет. Иди быстро признайся, что со страху нас оговорила, пока они не закончили протокол на тебя заполнять.

– Да разве так можно пальцы в дверь, да я от одних только слов таких в штаны нака-
таю. Мать моя женщина, – взвыла она, и неуклюжей трусцой побежала по лестнице в кабинет к директору.

...Ребята на следующие уроки не пошли. Настроение было испорчено, но что удачно разыграли техничку за их ложный навет, им принесло большое удовольствие.

Вечером на улице от друзей они узнают, что воровку обнаружили. Ей оказалась девятиклассница из детского дома Зоя Багрова. Ни директор, ни учителя перед Бедой и Перовым не подумали даже извиниться. Не дождавшись от своих педагогов покаянного шага, Беда решил анонимно напомнить им о себе. Собрав всех своих друзей и родственников, в тёплом подъезде своего дома, он организовал грандиозное битьё стёкол у учителей и директора. Не успеют преподаватели вставить новые стёкла, как в этот день звучал новый звон разбитых стёкол. И это продолжалось до зимы. Некоторым надоело тратить деньги на новые стёкла, и они начали перекрывать рамы окон фанерой. Преподавателям зимой этот уют был не в руку, и они решили стекольно – бытовую проблему разрешить сообща, подключив к этому делу участкового и инспектора детской комнаты милиции. На педагогический совет был приглашён известный всем участковый Влас Васильевич Власоедов. Его фамилию часто путали и называли ошибочно Власовым. Так же не обошёлся педсовет без инспектора по делам несовершеннолетних Моисеева. (в народе Моня)

Раньше Моня, – так во дворе называли всю семью Моисеевых, играл в футбол за молодёжную команду. Потом вдруг неожиданно ребята увидели его в милицейской форме. После этого его младшего брата Саньку Вахлу, мальчишки во дворе стали остерегаться и старались дружбу с ним не водить. Он был с детства всегда хлипкий и плаксивый, но апломбу у него было больше, чем у Геракла. На улице ему часто разбивали нос или подставляли яркий синяк под глазом, после чего он бежал жаловаться домой к отцу или старшему брату. Тогда он пытался примкнуть к младшей группе ребят, где верховодил Сергей Беда. Вахла был на пять лет старше Беды и всех его друзей. Он хотел уличной власти над младшими мальчишками, но, они быстро раскусили его и весной при помощи большой линзы подожгли ему новую куртку. После этого случая Вахла во дворе ни с кем никаких контактов не имел. Позже, когда он окончит школу, скрытно никому, не говоря, поступит в Ивановский текстильный институт и о нём во дворе все забудут. Его старший брат, хоть и был ментом, но взрослые люди старшего Моню уважали. А за что мальчишки не могли этого понять. Для них этот щёголь, был врагом номер один. Он ежедневно напоминал мальчишкам о себе, гоняясь за ними по подвалам и чердакам. Сейчас он находился в актовом зале школы, которую сам когда – то окончил с грехом пополам.

Моня восседал, вальяжно развалившись в кресле в актовом зале школы. Хохлатая причёска и длинный нос, делали его похожим на ибисоголового бога Тота. По нему было видно, он был намерен только слушать и записывать. В руках он держал блокнот и авторучку.

Первым слово взял завуч Николай Викторович:

– Уважаемые коллеги, в школе вопреки нашим совместным целям, воспитания подрастающего поколения в духе социалистического – коммунистического периода, возникла неизвестная шайка, я бы даже выразился точнее, – террористы нового типа. Сегодня они нам создают дребезг стёкол, завтра возьмут огнестрельное оружие в руки. Готовность маленьких подонков к пакостям такого рода, да и других проказ, уже сформирована. Думаю, что нам в первую очередь противостоит безобразный образ жизни неблагополучных семей. И эти семьи нам известны. Поэтому выявить злостных хулиганов не представляет никакого труда. Тут нам надо вместе с милицией активно поработать, схватить за рукав артиллеристов по стёклам. И в будущем не допускать систематизирования подобного факта. Я троекратно убеждён, что дребезг нам устраивает Сергей Беда, если он сам не принимает участия в побоищах, то подговаривает своих друзей исполнять эти функции. Необходимо за ним установить контроль: где бывает, в какое время домой приходит. И, наконец, хочу воспользоваться моментом, пока у нас на педагогическом совете присутствуют работники правоохранительных органов. Попросить от всех нас, чтобы милиция проявила оперативность и бдительность. Ну, сколько можно мёрзнуть, уважаемые коллеги? – У меня всё, – закончил свою речь завуч. И выпив стакан воды, ослабил галстук на шее, после чего сел на своё место.

– Я в корне не согласна Николай Викторович с вашей теорией, – встала с места Зинаида Васильевна, – классный руководитель Беды.

Она вышла на центр актового зала:

– Да, у Беды имеются проявления неосознанного хулиганства, но всё это выглядит не зло. Он по натуре очень добрый мальчик. Да, энергия у него льётся через край, но всё это обусловливается его серьёзным отношением к спорту. Я никогда не поверю, что он позволит себе подобное хулиганство. А мама, хочу вам заметить, у него очень порядочная. То, что он слабо учится, по этим показателям нельзя ребёнка обвинять во всех грехах. Он очень способный мальчик, и его низкая успеваемость по школьным предметам, не иначе как вызов нам педагогам. Мне порой кажется, что ему не интересно учиться у нас в школе. Вот посадите его сейчас в институт, он его закончит непременно с красным дипломом. Сергей Беда может переформироваться в нужном направлении, где ему успех будет обеспечен.

– Как вы можете, милая Зинаида Васильевна, – не вставая со стула, возмутилась Олимпиада Егоровна, – заслуженный учитель России. – Вы, что же хотите сказать, что я вместе с вами не даю необходимых знаний детям? Но это же нонсенс.

– Олимпиада Егоровна, я вас уважаю за ваш многолетний педагогический труд. Вы, без всякого сомнения, прекрасный педагог! Я ни вас и никого другого обидеть не хотела. Поэтому прошу меня извинить, кто неправильно истолковал мои слова. Попробуйте создать хронологию его баловства с начальных классов. Как реагировали мы, после этого? Как смотрели на это дома? Как обсуждалось улицей? Уверяю вас, школа получит большой минус. И прошу не забывать Сергей Беда – личность, и далеко уже не маленькая, а уважающий себя юноша. И постоянно носить клеймо отрицательного «Вездехода», на которого валятся все шишки, ему не очень приятно. Взять хотя бы последний пример, когда его и Перова оговорили в краже карманов нашего гардероба. Разве так педагоги поступают?

Директор постучал по графину карандашом, не дав закончить педагогическую полемику:

– Коллеги, коллеги! Уходим от темы. Мы собрались здесь не для обсуждения конкретного ученика, а обсудить вопрос о прекращении битья стёкол в наших домах, а для этого нужно выявить лиц, кто этим занимается.

– Может давайте заканчивать, этот балаган, – не вставая с места, сказала учитель по химии Ткачёва. – В конце то концов, есть милиция. Вот пускай они этим и занимаются. У меня почему – то ни одного стекла не разбили.

Пухлощёкий, с отвислыми губами участковый Власоедов выступил с заключительным словом. Он пустыми глазами обвёл взглядом весь зал. При этом медленно шевеля губами, как бы давая готовность к старту своей речи:

– Я послушал вас, теперь прошу уделить внимание мне. Ваша школа самая старая в городе и, безусловно, она считается на протяжении многих лет одной из лучших школ. То, что бьются стёкла у учителей, – это мерзкий и неприятный факт для всех нас. Я со своей стороны приму безотлагательные меры по выявлению лиц совершавших такие варварские безобразия. Поверьте мне? – это уже не баловство. И я вполне солидарен с Николаем Викторовичем, сегодня кидают камушки, завтра ножи будут в спину метать. Поэтому изобличить артиллеристов, это дело нашей профессиональной чести с вашим бывшим учеником Моисеевым. И мы обязательно поймем этих стекольщиков. Что касается Сергея Беды, то в данный момент безосновательно обвинять его в ваших сквозных окнах, не допустимо. Но при этом, ни в коем случае его нельзя оставлять без внимания. И не надо Беду обелять и делать из него небесного мальчика. Он уже взрослый юноша, далеко не ребёнок. Вы многого не знаете, он с виду интеллигентен, но до невероятности дерзкий парень. Помните, как в седьмом классе, он разбил стекло в автомобиле на берегу, и судили его мать, заслуженного работника речного флота. Этим летом Сергей уже лично примерил скамью подсудимых за остервенелый поступок к работнику таксомоторного парка и его автомобилю. Но легко отделался. На него даже штраф был не наложен. Беда в припадке ярости изуродовал автомобиль такси.

– Как так? – удивился директор. – Почему школа не знает?

– Милиция и суд не нашли острой необходимости в этом, – сказал участковый, – посчитали, что Беда действовал в интересах избегания травмы, но факт порчи такси и нанесение мелких телесных увечий водителю остался за ним. На пешеходном переходе таксист, грубо нарушил правила и слегка совершил наезд на Беду, от чего тот получил лёгкий ушиб в бедро. Беда в гневе ногой смял дверцу автомобиля и несколько раз ударил в лицо водителя. Он очень агрессивен и изворотлив на язык. Ему было, у кого этому учиться. Посмотрите, где он живёт. Ведь Новая стройка считается рассадником самого наглого и криминального контингента нашего города. А его родственники Иван Беда, Захар Минин, были самыми отъявленными хулиганами в пятидесятых и шестидесятых годах. И нельзя со счетов скидывать, что по соседству с вашей школой живёт вор в законе Часовщик. А, этот факт я скажу вам, для нас малоприятен. Таким подросткам, как Беда свойственно заглядывать в рот отпетым уголовникам. Они подражают им во всём, а нам с вами приходится после искоренять их повадки и чистить головы от мусора.

– А не лучше ли таких каторжников, как этот Часовщик совсем из тюрьмы не выпускать, – выдал реплику завуч.

– У нас в стране пока нет пожизненного заключения, но за Часовщиком наша милиция глаз не спускает. При первой возможности мы его вернём на нары. Сами посудите у этого Часовщика в вашей школе учиться масса детей его знакомых и приятелей. И если все дети будут последователями криминального прошлого Часовщика, то у нас будет не один Беда, а думаю больше дюжины. А стеклянных снайперов мы обязательно поймем, – сказал он в заключение и сам себе похлопал в ладоши.

Поверив его словам, все учителя облегчённо вздохнули.

Одна Зинаида Васильевна, осталась при своём мнении. Она хорошо знала, как участковый исполнял все прихоти Часовщика. И то, что сейчас выдал участковый, – это была не его личная позиция, – это было его вероломное лицемерие.

На этом педсовет закончился. Директор всех распустил, попросив остаться на минуту Зинаиду Васильевну.

– Зинаида Васильевна, моя просьба к вам частного характера.

– Я вся во внимании Михаил Иванович, – сказала она.

– Зинаида Васильевна, ваши окна выходят на мои окна. Вас не затруднит, с восьми до девяти вечера понаблюдать на улицу. Я хочу развеять ложные мысли о Бедо, да и вы сами не меньше меня заинтересованы в этом.

Она понимала, что директор сейчас кривит душой. Он всеми фибрами ненавидел Беду, за то, что он много придавал хлопот лично ему, а не школе. Хотя в предвзятости он ранее замечен не был.

«Завтра бы не забыть переговорить с Бедой», – подумала она.

– Хорошо Михаил Иванович, по возможности, я буду поглядывать на улицу, – заверила она его. – Но я сомневаюсь, что после прихода в школу милиции они осмелятся возобновить подобные диверсии.

– Доверительно поговорите с Бедой. Попробуйте вызвать его на откровенность. Он же вас уважает. Должен он, чёрт возьми, что – то знать. А вообще я заметил, что в нашей школе очень слабая работа ведётся в дидактическом плане.

– Я с Бедой завтра поговорю, – пообещала она.

– Да, да, непременно, только не спугните его, а мы с участковым и инспектором пораскинем мозгами сейчас у меня в кабинете, как нам дальше быть. А сейчас вы свободны.

...Зинаида Васильевна вышла из школы. На улице шёл крупный снег. Лёгкий, даже немного приятный морозец позволял находиться на воздухе продолжительное время. Да и ей самой домой в такую погоду идти не хотелось, хотя по дому была работа, и непроверенные тетради, лежали третий день, дожидаясь оценок. Ноги сами понесли её неизвестно куда. Она шла и размышляла о прошедшем педсовете и о словах директора, которые отдавали запахом предательства. Возникла нелепая мыслишка, что ей уже неуютно находиться с этим преподавательским коллективом школы. Затем эту мысль она отмела, почувствовав, что на неё нападает хандра, от которой всегда нужно вовремя уходить.

С облепленным в снегу лицом, того нехотя, она очутилась на стадионе. На катке было очень многолюдно и светло. Прожектора освещали весь стадион, громко играла музыка, но скользящий звук лезвий коньков, который безжалостно резал лёд, был отчётливо слышен. Вдалеке маячила знакомая фигура молодой учительницы, Ноны Андреевны, которая ещё училась на последнем курсе института.

Держа за руку молодого человека, она плавно скользила с ним по льду.

«Молодец, какая, – подумала она, – не успела прийти с педсовета, а уже на стадионе».

Ей ужасно самой захотелось прокатиться, как когда – то во времена своей юности. Зинаида Васильевна представила себя, как она будет пятидесятилетняя бабка, выглядеть на коньках, и от этой мысли ей стало весело. Она посмотрела на часы, стрелки показывали девятнадцать часов. Выходя со стадиона, у входа она столкнулась с ватагой громко говорящих ребят. Беду нельзя было не узнать среди них, по его спортивной шапочке и властному, но приятному тембру.

– Серёжа, – окликнула она его, – задержись, пожалуйста, на минуту? – мне тебе кое – что сказать необходимо.

Увидав своего классного руководителя на стадионе, он, как вкопанный, встал и с удивлением спросил:

– Это вы Зинаида Васильевна? В жизни не поверил бы, что встречу вас на стадионе.

– Почему, я к спорту равнодушна. В молодые годы играла в волейбол и шахматы за институт. Стреляла из винтовки по второму взрослому разряду.

– Здорово Зинаида Васильевна, теперь я буду знать, о чём с вами говорить можно, – восхищённо проговорил Беда.

– Можно и о спорте поговорить, но сегодня повестка дня другая. У тебя есть возможность подойти ко мне домой, после стадиона. Третий этаж, квартира пятьдесят третья. Дом и подъезд ты знаешь. Если не успеешь до девяти, то встречу отложим на завтра.

– Зинаида Васильевна, – я сегодня успею, – дал обещание ей Беда.

...Возвращаясь назад один со стадиона, он размышлял, что хочет от него Зинаида? О чём она желает с ним поговорить?

«Вероятно по поводу стёкол? – подумал Беда, – нужно собраться и вида не показывать, что бы ни каких малейших подозрений в отношении меня ни у кого не вызывало. А Зинаида обладает точно проницательностью, если в волейбол и шахматы играла. С ней нужно быть начеку».

Внезапно у него созрел план, связанный с его не причастием битья стёкол. Он зашёл домой к другу Перо.

– Срочное дело Витя есть. Внеурочная работа подвернулась, – он шепнул другу. – Сходи срочно к Туману, и выставьте директору окна, позарез нужно сделать, – он провёл ребром кисти руки себе по горлу.

– Да мы же неделю назад пальнули ему два окна. Он, наверное, вставить не успел, – явно было видно, что Перу не хотелось выходить на улицу.

– Стёкла стоят новые, – это точно. – Короче в полдевятого, я должен услышать звон стёкол. Я буду рядом находиться. При этом вы не увидите меня. А потом я вам всё объясню, для чего нужен сегодня этот внеочередной залп. Понял? Ну, я побежал, – и он сломя голову выбежал из подъезда.

Перед дверью Зинаиды Васильевны, он вытер ноги о резиновый коврик и робко постучал в дверь.

Зинаида Васильевна открыла ему дверь. Её однокомнатная квартира была уютная и со вкусом обставлена недорогой мебелью. Главной её гордостью была богатая библиотека, и она заметила, что Беда с любопытством впился глазами в книги.

– Это не всё, у меня нижние шкафы все тоже заполнены книгами. Ты проходи, присаживайся на диван, – предложила она. – Разговор у нас с тобой будет серьёзный, и поэтому наберись терпения. Сейчас чай вскипит, я тебя вареньем абрикосовым угощу. За чаем мы с тобой и побеседуем.

– Спасибо, но я ничего не хочу, – вежливо отказался Серый, – я ем строго по норме, мне вес нельзя нагуливать перед соревнованиями а, то тренер будет ругать.

– Как я слышала, ты сейчас борьбу забросил и перешёл на футбол, а там больших претензий к весу не предъявляют, – знающе сказала она.

– В любом спорте лишний вес это яд, – сказал Беда, – но информация у вас неверная. В футбол я играть не буду больше никогда. Да и борьбой занимаюсь не для медалей, а для собственного оздоровления. Школу окончу, не до спорта будет, поеду поступать в мореходку в Новороссийск или Владивосток. Но нормы питания я стараюсь придерживаться. А для поступления в мореходку медаль лишней не будет.

– Я всё равно налью тебе в чашку, – не послушала она его. – Возможно, ты отважишься испить со мной чайку, а то мне, как – то одной неудобно в присутствии гостя распивать чай.

В это время в дверь постучали.

– Зинаида Васильевна, вы дома? – раздался знакомый Бедо за дверями голос.

В квартиру вошла молодая учительница Нона Андреевна, которая была два часа назад на стадионе. Увидав Беду смирно сидевшим на диване, она приятно расплылась в улыбке, подойдя ближе к Сергею, несколько раз отвесила ему поклон.

– По какому поводу такие почести? – поинтересовалась Зинаида Васильевна.

– А вы узнайте у Беды. Как он меня буквально час назад, в конфуз ввёл при народе в раздевалке стадиона. Мы с Валерьяном сегодня на каток ходили. Закончив кататься, пошли в раздевалку переодеваться, и вот нате вам, появляется месье Беда и начинает почтенно отбивать мне поклоны. Естественно рассмешил всех присутствующих, а каково мне с Валерьяном. Твой родственник Перов, с биноклем летом за мной с крыши дома наблюдает. Теперь ты принялся

внимание мне уделять. Я понимаю, если бы эти реверансы были от всей души, с искренностью, – фразы она своей не закончила.

Звон разбитого стекла притянул их к окну.

– Боже мой, неужели нашему попечителю опять сквозняк устроили? Ничего не видно, темень страшная, – недоумённо проговорила Нона.

...Беда, сидел на диване с отрешённым видом похлёбывал чай, от которого минуту назад отказался.

– Я к вам что пришла, Зинаида Васильевна, – скороговоркой выпалила она. – Мне помощь ваша нужна, хочу скроить себе юбку, но если у вас сегодня гость, приду завтра в это – же время.

Уходя, Нона улыбнулась Беде и кокетливо погрозила ему пальцем. Но он остался невозмутимым, делая вид, что ему всё безразлично и её намёки не замечает.

Зинаида Васильевна закрыла за ней дверь и подошла вновь к окну, пристально вглядываясь в зимние сумерки:

– В нашем малосемейном общежитии живёт половина педагогического состава школы. Все шьют, и мы друг от друга учимся.

– Я тоже могу шить, – признался ей Беда, – меня мама научила. Она во дворце культуры после завода преподаёт курсы кройки и шитья. Иногда шью себе брюки и друзьям.

– Это хорошо. На кусок хлеба всегда заработаешь. Но я тебя пригласила не на кружок кройки и шитья. Я хочу поговорить именно по этому поводу, – она пальцем указала на окно, откуда раздался звон стекла. – На педсовете сегодня, самой обсуждаемой личностью был Сергей Беда. Есть мнения большинства, что это проделки твоих рук.

– Зинаида Васильевна, я знаю это большинство, – сделал серьёзное лицо Беда. – Это директор и завуч! – Я постоянно ощущаю груз подозрений на себе, чтобы в школе не случилось, и привыкнуть к этому не могу. Иногда злость такая накатывает на меня от незаслуженных обвинений, что мне хочется натворить, что –нибудь звонкое, но я умею себя в руках держать.

– Я очень рада, что ты в данный момент находишься здесь в моей квартире. Это ещё раз подтверждает, что свои мысли в отношении тебя, я правильно сегодня излагала. И в будущем, я бы не хотела видеть тебя под окнами Михаила Ивановича. Будем считать это как моё поручительство за тебя и прошу, отнесись ответственно к моим словам?

Сергей от выпитого чая согрелся и разомлел, ему приятно было слушать Зинаиду Васильевну. Она говорила, словно бальзам на душу лила. Слушая её, ему казалось, что он не только не участвует в стекольных погромах, а и слыхивать о них не слыхивал. Он сидел перед ней, как невинный младенец, ну просто небесный ангел, залетел чайку на минутку попить и выразить своё негодование, земным хулиганствам уличных мальчишек.

– Я, Зинаида Васильевна, не позволю себе такого, и не понимаю тех пацанов, которые чинят такие вещи, тем более в зимнее время. Это, ни в какие рамки не лезет. А если в квартире маленькие дети находятся или престарелые люди. И не дай бог, камушек в голову попадёт. Пиши, пропало. Как можно? – возмущался Беда.

Беда на этот раз, показался учительнице очень искренним. Его убедительная речь сняла все подозрения с Сергея.

– До удивления хорошо рассуждаешь, если бы ты каждое баловство своё, так анализировал и занимался самовоспитанием, цены бы тебе не было. И мечтать прекратил на уроках. Ну, что у тебя за мечты? – они несбыточные. Мечтаешь о шапке невидимке, или хочешь проходить сквозь стену. Пойми, – это всё утопия. Тебе не претит мечтать о спортивных рекордах, высшем образовании.

– Об этом не мечтают, а ставят цель перед собой, – не дал он ей выразить патетическую нравоучительную мысль.

И вновь он её удивил, своей яркой и логической речью.

В ответ на его слова ей сказать было нечего.

Он оделся, поблагодарил её за чай, попрощался и вышел на улицу.

Лоб и пацаны

Наступила весна, после обильных зимних осадков, под тёплыми лучами солнца снег таял на глазах, создавая бурные потоки луж. Без резиновых сапог по улице пройти невозможно было, но сапоги не каждый мальчишка обувал на себя из форсу.

Когда промачивали ноги, они спускались в подвал, снимали с себя мокрые брюки и носки, клали на горячие трубы, на подсушку. Когда процесс сушки заканчивался, они снова выходили на улицу, подразнить своим геройским видом участкового, который нередко наблюдал за ребятами не с улицы, а из окон своей квартиры второго этажа в доме, где жили практически все возмутители спокойствия двора и школы номер шесть. Свои обещания, которые участковый давал прилюдно на педагогическом совете, он не выполнил. Не смог Власов поймав ни одного стекольщика, так, как последнее стекло было выбито директору школы в тот день, когда Сергей Беда находился в гостях у своей учительницы.

В весенние каникулы освободили Юру Лба по фамилии Волков. Он пришёл в подвал в тюремном бушлате и в сталинской фуражке. На ногах были яловые сапоги, которые судя по их затрапезному виду, зону топтали не одним хозяином. Лоб по – старому позывному постучал в дверь. Войдя в сарай, при слабом освещении свечки его вначале не узнали, но когда он гаркнул:

– Бей сходняк пацаны. Малину не палите, я пришёл на время, прохорята заменить.

– Лоб, ты что ли? – заорал Дюк.

– Я, собственной персоной, – уже более спокойным голосом ответил Лоб.

Обнявшись, поздоровавшись со всеми, он присел, на дверь заменявшую скамейку и служил так же топчаном, когда кто – то оставался на ночлег. Он начал снимать с себя сапоги и мокрые портянки.

– Промок, как судак, пока дошёл до вас. Я смотрю, мальчишки созрели, и не признаешь сходу. Беда молоток, весь в Захара пошёл. Дюк, как был хлыст, так им и остался, только репа возмужала, – а зубы куда дел? – спросил он у улыбающегося Кольку.

– Молочные выпали. Жду, когда сливочные резцы вырастут, – сострил Дюк.

– А, ну жди, жди, смотри, остальные не потеряй, – ответил ему Лоб.

Он, расстегнул бушлат, достал из грудного кармана пачку папирос и пустил её по кругу для желающих, и только потом, ловко выбив щелчком пальцев папиросу из пачки, закурил сам.

– Ну, что парнишки моё освобождение отметим, мне на вахте дали чуточку за работу.

Лоб протянул Дюку скомканную крупную купюру.

– Сходи, ты солиднее всех выглядишь. Возьми водки три бутылки и похавать, вкусненького купи, да хлеба не забудь прихватить. И обязательно всем по пачке сладких сигарет.

Колька взял деньги, сумку и заспешил в магазин. Он действительно был старше всех с Салепом. В прошлом году окончил школу и собирался поступать в военное училище, но операция на лёгких перекрыла все его планы, и ему пришлось по протекции отца устроиться на работу в военкомат курьером. Но со своей мечтой быть офицером он не расстался.

Когда Дюк закрыл за собой подвальную дверь, Лоб, задрал свои голые ноги на сидение, мальчишки увидели на ступнях ног татуировки.

На одной ноге было выколото «пойдёшь за правдой», а на другой, «протрёшь до жопы».

– Лоб, а ещё какие наколки есть, покажи? – попросил Валерка Салёпа.

– Партачки, с малолетки, вы их раньше видали. На взросляке наколку нужно заслужить, как медаль. Там, за самовольную наколку спросить могут. Конечно, я мог много, что нарисовать себе, но, ни к чему это, – разъяснил Лоб.

– Лоб, а брат твой Колька, где сейчас? – вам же одинаковый срок давали, – не отставал от него Салёпа.

– Братец мой Колька, как вы знаете, ещё на малолетке раскрутился, аж на целую трёху. С добавкой ушёл во взрослую колонию. А там до меня слух дошёл, что ещё выпросил себе приличную цифру.

– А где сидит? – не унимался Валерка.

– Где, где, – чай широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек, – продекларировал Лоб фразы Лебедева – Кумача, из песни о Родине.

– В Сибири, где – то лес валит и баланы катает. Писем от него сёстра дома не получала. Теперь не знаю, когда придётся свидеться.

– Лоб, а кличка на зоне, у тебя была какая? – спрашивал все тот же Валерин дотошный голос.

– У меня – то? – переспросил Юра, – так и звали Лоб, а когда дам, кому по рогам Лукичём кричали.

– Это из уважения, наверное, – определил Салёпа.

– Уважение, обязательно! Но Лукич к твоему сведению по-блатному обзывают лом, – пояснил Лоб.

– Металлический лом? – переспросил Салёпа.

– Нет тряпочный, – раздражённо отрезал Юра.

– Это никак утиль сырьё? – не унимался Салёпа.

Юра был готов выйти из себя и выдавив из себя воздух, гаркнул на весь подвал:

– Лом, – это чем лёд колупают. И что ты ко мне присосался, как пиявка. Если сильно интересно, сходи в гости к хозяину. Узнаешь почём фунт лиха!

– Я пока туда не собираюсь, но чем чёрт не шутит, всякое в жизни может произойти. Вот, с нашего города, много с тобой сидело в тюрьме?

– Достаточно, – отмахнулся от него Лоб. – Ты лучше стаканы приготовь?

– Их готовить нечего, вон они на полке стоят чистые, – показал Валерка на стопу стаканов, – мы недавно пили из них.

...Дюк появился с набитой сумкой водки и закуски. На снятой с петель двери быстро соорудили импровизированный столик, куда вывалили всю закуску. Пили все по маленькой дозе, кроме Беда. Ему предложили, но он скромно отказался, сославшись на болезнь сердца. Лоб не знал, что Беда лежал в больнице, но когда ему парни рассказали, настаивать не стал.

– Грызни хоть колбаски трошки, чего на сухую сидеть, – Лоб протянул Беду здоровую котелку колбасы и ломоть хлеба.

...После выпитого спиртного, завязался оживлённый разговор. Лоб, был в центре внимания. Его рассказы о тюремной жизни, приковали внимание несовершеннолетних подростков.

Блатная романтика из уст старших, у мальчишек всегда пользовалась популярностью, но для некоторых это был кусочек фольклора, а для других курс молодого бойца. Беда, слушал явно рисовавшего перед мальчишками Юру Лба. Он понимал, что Волков привирает, но не обращал внимания. Ему было с кем сделать сравнение. Мужики у сараев тоже иногда во время распития предавались лагерным воспоминаниям в присутствии его. Но там люди собирались, нечета Лбу. Это были настоящие урки, имевшие не одну судимость. Зря языком не молотили, их жизненный принцип; жить в тени – и обкрадывать солнечную сторону, был у них в моде. Лоб знал этих мужиков хорошо и не однажды заглядывал им в рот. Он постигал с их языка науку зоны. И сейчас, скрестив свои ноги словно султан, делился в подвале с дворовыми мальчишками опытом, который успел получить в местах заключения.

Лоб был значительно старше всех находившихся пацанов в подвале и пользовался уважением во дворе. Он, всегда мог за любого своего паренька заступиться. Среди знакомых не отличался наглостью и последним куском мог поделиться даже с недругом. Себя он в шутку называл, отрыжкой пьяной ночи. И всем говорил, что для него мягче нар постели в жизни не приготовлено.

– На зоне жить можно, – говорил он, – шулёвку в достатке дают. Общак греет неплохо. Если бы чуху хотя бы раз в месяц предоставляли, то на свободу я приходил, как в отпуск, чтобы своим обидчикам рыло начистить.

...В сарае от накуренного табака, дым стоял столбом. Беда не мог уже выносить тяжёлый запах табака, перемешанный со спиртными парами. Он вышел подышать за дверь, на свежий воздух и слышал, как Лоб не умолкая, объяснял мальчишкам законы лагерной жизни.

– Что еще пацаны, важно знать, когда подымаешься на зону, – раздавался за дверью голос Лба, – если ты переступил ворота, знай, что перед тобой открывается иной мир, где уклад жизни будет зависеть от самого себя. Больше надо слушать, меньше говорить, а понадобится кому, – тебя спросят. Если покажешь себя хорошо, будешь жить в справедливом мире, где тебя в обиду никому не дадут, ну а если закосорежишь, то и на свободе за свои грехи придётся расплачиваться. Много, конечно зависеть будет от зоны.

– Лоб, а что ты лопари себе не мог там справить приличные, эти у тебя худые, хоть и начищенные кремом? – сменил тему разговора Архип Балта. – У нас в сарае в ящике лежат хромо-вые сапоги и размер вроде твой. Отцу они малы, а мне велики. Хочешь, я сгоняю, принесу, – предложил он.

– От такого подарка я не откажусь, – обрадовался Юра, – они мне необходимы, особенно сейчас. А старые сапоги я буду хранить, как память о большом человеке Ромбе. Мне он их задарил, когда уходил на другую зону.

– Слушай Архип, – обратился Лоб полупьяным голосом к Балте, – беги за сапогами, я примерю прямо здесь. Но запомни, беру в долг, как буду в куражах, так сразу рассчитаюсь.

...Архип вылетел из дверей, едва не сбил Беду стоявшего за дверным проёмом. Ему было приятно угодить Лбу, простому, с трудным детством парню, которому своей неприкосновенностью обязаны все дворовые мальчишки.

Серёжка Беда зашёл в сараюшку, дым через щели между досок рассеялся в другие помещения.

– О, вот и Беда появился, – воскликнул Лоб, – а я без тебя им ликбез проводил о жизни современной молодёжи в Российских лагерях.

– Слышал я твою лекцию. Я за дверью стоял. От дыма ушёл, надышался до тошноты, – сказал Сергей.

– А финала, ты не слышал, его никто не слышал, – Лоб, как маятником размахивал указательным пальцем в воздухе. – Слушайте ребята и запоминайте. Тюрьма не для каждого хороша и не каждый в тех условиях может сохранить человеческое достоинство. У вас у всех есть родители. Вас по воскресениям водили в парки, кино и цирки. На обеденный стол подают разогретую калорийную пищу и белыми простынями устланы ваши кровати. После этого менять обычный образ жизни очень трудно. Нужно привыкать к баланде, от которой поначалу желудок будет болеть. Спать при свете, ходить под охраной, соблюдать тюремный режим и многие другие правила лагерного распорядка, которые вас будут внутренне унижать – это очень тяжело. Вы на меня не смотрите, я не герой. Просто родился раньше вас, когда мамаша моя горькую пила взахлёб. От чего у неё молоко в грудях горчило, и которое я с жадностью впитывал в себя. А вы сейчас пьёте коровье молоко с гречкой и батонами, а там такого не подают, даже по праздникам. Есть там такие слабаки, кто через общепит опускается, теряет все человеческие обличия, собирает куски по столам, за пайку хлеба могут выполнить самую унижительную просьбу. Мне один мудрый вор сказал, что в тюрьму попадают неоднократно, люди с нарушенной психикой, которых лечить надо, но только не в тюрьме. Он мне объяснял, что умный человек делает ходку на зону всего один раз, а очень умный вообще их не делает. Конечно, большинство преступлений совершаются по пьяной лавочке, или после принятия наркотиков, но таким распущенным этот зачёт не идёт. А шкетов, всех поголовно в целях профилактики хотя бы на неделю нужно сажать в тюрьму или водить на экскурсию, чтобы они поняли и ощутили

вкус тюремной пайки. Говорил, что Никита Хрущёв в недавние времена заявлял, что покажет последнего вора. Не сросся у него показ. На вечный покой ушёл Никита. И другие правители этого не сделают, – пока все люди не начнут, жить в достатке и справедливости. А про справедливость вор толковал, что она является богиней людских судеб! – Вот так ребята, такие умные люди сидят там и так истолковывают жизненные принципы, хотя сами имеют по семь и больше судимостей. Они насиделись за свой век, и озарение к ним пришло слишком поздно. Этого они не скрывают перед молодыми.

Лоб закурил ещё одну папиросу, и умело, с отработанным шиком, выпустил несколько колец изо рта.

– А для себя я решил, – продолжал Лоб. – Нахожусь на свободе до первого позывного, кланяться ни кому не буду. Устроюсь на работу столяром – модельщиком. Братишке младшему Луке в первую очередь надо помочь. В рваных обносках ходит в детском доме. Покатит масть на производстве, значит ничтяк, а нет, то гори оно, всё синим пламенем.

– Лоб, ну ты только нас сейчас уму разуму учил, и сам себе противоречишь? – задал вопрос ему Дюк.

– Я же вам сказал, что я отрыжка пьяной ночи. Натура моя протравлена противостоянием, если мне что не понравится, терпеть не буду. Вам моей философии не понять, – отмахнулся Лоб от всех.

...Слушая Лба Беда, и всё больше находил удивительную схожесть характеров, он тоже считал себя бунтарём по жизни, но идти по стопам Волкова, у него никакого желания не возникало. Это он твёрдо усвоил из книг, хотя люди подобные ему, его притягивали, как магнит.

Лба Сергей уважал, как и все мальчишки. Хотя многие родители запрещали водиться с ним своим детям, но уличные проблемы и законы были сильнее родительских запретов. И сейчас, когда Лоб отбыл наказание в колонии второй срок, не отталкивало Беду от этого хлебнувшего трудной жизненной участи взрослого парня. Большая разница в возрасте, тоже не являлась преградой. Лоб одинаково относился ко всем, но если ему что – то не понравится, то можно затыкать уши, или немедленно уходить с места события.

...За дверью послышались шаги. С сапогами, спрятанными под телогрейку, вошёл Балта. Протягивая Лбу почти новые хромовые сапоги, – он проговорил:

– Пользуйся, носи, отец разрешил, он их в карты всё равно у дяди Миши Окуня выиграл. А дяде Мише они уже ни к чему. У него вены на ногах вздулись.

– Ого, вот это да! Ну, Балта, ты молодец! Это же настоящие офицерские кони, я в них как законник щеголять буду, – воскликнул Лоб, и поцеловал с радости голенище сапога.

Обувь, пришлось по ноге ему и удовлетворённый подарком Балты, притаптывая сапоги на бетонном полу, Лоб сказал:

– А, я сегодня в этих прохорях город потопчу, нужно ещё кое с кем встретиться.

Попрощавшись со всеми, он тут же покинул подвал. Свечка догорала, еле тлея, почти не освещая помещение. В запасе не осталось ни одной. Мальчишкам взгрустнулось:

– Ну что по домам пойдём или в темноте посидим, пока алкоголь не выветрится? – спросил Дюк.

– Что, очко играет? – задел его Салёпа.

– А зачем по пустякам на рожон родителям лезть, я же не Лёшка Говорок, который браги напился и в школу пошёл. Мне отец обещал скоро, на День рождения магнитофон купить, – похвастался Дюк, – а за запах он не только что – то купит, а голову отшибёт напрочь, без всяких объяснений.

– Вы, как хотите, а я пойду домой, книгу почитаю, я не пил, мне бояться нечего, – сказал Беда, – мне завтра на тренировку с утра. У кого желание возникнет, приходите.

Потихоньку все стали расходиться по домам, решив назавтра сделать коллективную вылазку в спортзал.

...На следующий день, после тренировки они все постриглись наголо и с сырыми ногами, пошли по домам пообедать и заодно подсушиться, договорившись встретиться в два часа дня.

Сергей на пороге сходу стянул с себя мокрую обувь и носки. Засунул всё под свою кровать, чтобы мать не видала. Она ежедневно не по одному разу проверяла состояние его ног, опасаясь простуды и возможного рецидива заболевания сердца. В этот раз матери дома не было, на кухонном столе лежала записка:

«Картошка горячая, укутана в пальто, достань с балкона грибы и пообедай. Суп обязательно разогрей». Мама.

...Грибы стояли в дубовой кадучке, на балконе, и доставать их мог только Сергей. На зиму двери балкона заклеивались, чтобы сохранялось тепло в квартире. Форточку оставляли свободной, как единственный лаз к продуктам. Через неё и приходилось Беде залезать зимой на балкон и отбивать столярной стамеской грибы. С приходом оттепели стамеской пользоваться необходимости не было. Сергей взял блюдо и проворно пролез в форточку, забыв при этом надеть на ноги домашние тапочки. Сняв сверху гнёт, которым служили несколько бутовых камней, он обе руки по локоть запустил в кадку. Пошарив в слизистом рассоле, он кое – как набрал половину блюда. Грибы были на исходе, и он начал совершать обратный манёвр через форточку. Опираясь ногами о бочку, он просунул голову в окно, пытаясь с державшим в одной руке блюдом оттолкнуться от неё. Но слизистый рассол, который Сергей расплескал по краям, не дал ему это сделать. Босая нога поскользнулась и сорвалась с опоры, опрокидывая одновременно дубовую кадучку. Блюдо с грибами выпало из рук и чтобы не улететь за пределы балкона, Сергей крепко вцепился двумя руками в раму окна. Сердце бешено застучало, до него дошло, что секунду спустя он мог бы быть последователем Икара без крыльев, но с летающим блюдом. Он сиюминутно оказался на полу квартиры, мысленно просчитывая и анализируя свою ошибку. Так он лежал не двигаясь несколько минут, пока не услышал дотошный звук дверного звонка. Сергей поднялся с пола и пошёл открывать дверь. На площадке стоял директор школы и член родительского комитета Вербицкая Анна Павловна. В руках у директора была шляпа, которую он носил зимой и летом. Она была вся улеплена зонтиками от укропа и обломанными грибными кусочками. Его светлое габардиновое пальто, частично залитое рассолом, имело жалкий вид. Досталось и гардеробу Вербицкой, но значительно меньше. На её правом плече, как погон прилип лавровый лист. На фоне её светловатого цвета пальто виднелись остатки лесных даров природы. Они стояли с гневными лицами, веявшими аппетитным запахом грибов:

– Ты, что Беда удумал, хулиган этакий, отвечай сейчас же паршивец, – орала на весь подъезд Вербицкая. – Нет, ну ты посмотри, во что ты превратил дорогоё пальто Михаила Ивановича.

Директор, протянул шляпу к лицу Сергея. Лишённый дара речи, он смотрел, и только тряс головой, пытаясь выдавить из себя слово, но от возмущения у него ничего не получалось.

– Т – т – ты почему это сотворил? – заикаясь, произнёс он.

Беда стоял бледный, как мел и смотрел на непрошенных гостей, омерзительно извергающих от гнева слюной.

– А, это я не нарочно, – показывал на шляпу пальцем Сергей, – проходите в квартиру, посмотрите? – пригласил он их.

Они прошли в зал, и увидели у балкона разбросанные грибы на полу. Беда объяснил, как получилось опрокидывание бочки, и показал записку матери. Директор посмотрел внимательно на не отошедшего от шока юношу. Положил ему свою ладонь на бритую голову и вымолвил:

– А побрился ты напрасно, тепло ещё не скоро наступит. Пойдёмте, Анна Павловна? Тряпки это ерунда против жизни человека.

Вербицкая, уже спокойным голосом проворчала:

– Дом этот необходимо стороной обходить, а под балконом Беда стоять – это сплошное смертоубийство. Безобразие! Пускай и ненамеренное, но себе будет дороже.

Сергей закрыл за ними дверь. На душе у него стало спокойней от слов директора и его прикосновения руки. Было ясно, что директор поверил ему и отнёсся с пониманием к произошедшему случаю. Он, собрал грибы с пола, промыл их в воде и поставил на стол, но обедать не стал. Аппетит пропал. Выпив стакан горячего чая, он натянул сухие носки и мокрые, не успевшие высохнуть замшевые туфли. В кладовке взял запасную парафиновую свечу и спустился в подвал. Преодолев один марш подвального помещения, он ощутил запах плавленого парафина и чьи – то голоса. Когда он открыл дверь бункера, «так иногда называли мальчишки этот сарай», то перед его взором представилась неожиданная картина, которую он воспринял без признаков радости. Это помещение он считал своим личным убежищем, и приходили туда только свои ребята, те, кто знал, где лежит ключ от замка. В особых случаях, когда кому – то из мальчишек нужно было спрятаться от гнева родителей, он позволял бывать там с ночёвкой. И мальчишек с другого двора, тоже не редко запускал в этот бункер, но с обязательной клятвой, о неразглашении места обитания. Сегодня все мальчишки были взрослые и по этой причине никого уже не пороли, поэтому в подвале практически никто не спал.

...В этот раз в бункере были совсем взрослые мужики, у которых помимо подвала много было разных хат, где они могли скоротать время. Здесь находились Беляк, Фрол, Гарик, Лоб и Юрка Балашов, Серёжкин друг и одноклассник из детского дома. По углам и на столе горели свечи. Вместо тарных ящиков, которые ещё вчера служили стульями, стояли табуретки. Рядом с топчаном обосновался обшарпанный круглый стол, небольших размеров, который создавал в помещении тесноту. Стол был уставлен батареей бутылок красного вина, пива и томатного сока. Хлеб был аккуратно нарезан и лежал на газете вперемешку с закуской, около которой стопкой возвышались несколько пачек дорогих сигарет. По Юркиному виду можно было сразу определить, что ему тоже перепало угощений с обильного стола. Он сидел без обуви и носков на топчане с красным, как свёкла лицом и глупой улыбкой. Винные пары, исходившие от него, за метр неприятно били в нос Сергею и делали Юрку, каким – то чужим и далёким, отчего Беда брезгливым взглядом посмотрел на своего одноклассника. Давая понять, что он не одобряет его поведения. Они были дружны, и последние два года сидели за одной партой.

– О, вот и хозяин штаб – квартиры пришёл, – невнятно, подвыпившим голосом произнёс Беляк. – Присядь, лимонаду налей себе, а хочешь пивка испей с воблой.

Беда сел на топчан рядом с Юркой, снял с себя обувь и поставил её на трубу досыхать.

– Пиво я не буду, – ответил категорическим отказом он, – а соку томатного с колбаской отведу. А откуда такой натюрморт? – поинтересовался Беда.

– Ты прямо интеллигент, какой – то, будь проще, и народ к тебе потянется, – еле ворочая языком, – проговорил Беляк. – Не забывай, ты же наш дворовый мужик.

– Кончай тарыхтеть не по делу, – встрял в разговор Лоб, – Беда парень правильный, знает себе цену. А разговор у него умный от книг. Я до сидки книг вообще не читал, а там причился, читал запоем. Особенно понравилась книга «Наследник из Калькутты», я её перечитывал несколько раз.

– Ну и что хочешь сказать, шибко грамотный стал, – явно грубил Беляк, – а я вот Теремок в детстве прочитал и про говорящую щуку и с меня хватит, чтобы жизнь понять. А читать всё подряд, мозги только себе засорять.

– Ты Беляк, узколобо мыслишь, сел с батоном, с батоном и вышел, поэтому не понял жизни. А если бы тебе попались, такие же кореша, как и мне, тогда обогатил бы свой кругозор. Прочитал бы поэму Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо». Я ведь тебя Беляк лет на пять младше, но жизненного опыта у меня не меньше твоего.

Фрол и Гарик внимательно слушали диалог Лба и Беляка.

Юрку Балашова приморило выпитое вино, и он посапывал на топчане, пристроив свою голову на бушлате Лба. Беда молча, жевал сухую колбасу с плавленым сыром, запивая всё это соком.

«Раньше бы Беляк не позволил так с собой разговаривать, никому, тем более Лбу, который до судимости питался из его рук – заметил про себя Сергей. – Значит, Лоб оброс весомым авторитетом на зоне», – догадался он.

Беляк, закурил сигарету и обиженно уставился в хладнокровное лицо Лба, учащённо хлопая своими пшеничными ресницами.

– Мне твой Маяковский до фонаря, но ты Юра говоришь, как будто червонец на зоне масло бил. Ты вот мне базаришь за батон. Думаешь, я не знаю, что это обозначает. Так применимо говорить тем, у кого срок за год не перевалил. Я отмотал два раза по году, но вышел без косяков и таким, как ты, могу смело в глаза смотреть. Наслышаны мы и о тебе. Хорошо толкуют. Молодец! Ты нам спасибо должен сказать. Кто тебя воспитал такого правильного? Примерами нашими жил, такой и получился. А дружи ты с Кривым или Валькой Куркулём, кто бы из тебя вырос? Я уверен, что с их педагогикой, тебя бы не заметили такие авторитеты, как Ромб и Сонет. Кто они такие мы знаем. И если я сижу и пью с тобой вино, значит, я тебя уважаю. Но прошу тебя, не заносись перед нами никогда?

Выслушав Беляка, Лоб налил во все стаканы вина и, подав каждому в руки, сказал:

– Давайте лучше выпьем? Нечего порожняк гнать, хотя напрасно ты Беляк обижаешься, я добро помню, и никогда наглеть в отношении вас не буду. Но, ты тоже хоть и свой в доску, выражения выбирай и Беду не замай, если не хочешь внушение получить от Ивана. Серёга без твоей науки проживёт, у него голова варит. И запомни, маслобойщиком я не был и не буду. Мне это не в кайф, это дело сугубо личное каждого эка. За падло, не считается и тем более, вслух говорить об этом не принято. А я, сегодня, наверное, схожу к Вальке Маханше, она мне биксу выделит. Всё – таки, на подсосе сидел приличное время. Кровь надо погонять.

Они выпили вино, и все трое закурили. Беда подошёл к спящему Юрке и поправил сползший из подголовья бушлат.

– Зачем ему давали вина пить? В детском доме ему влетит за это, если унюхают, – мрачно вымолвил Беда, – ему и так директор грозит колонией каждый день.

Сергей снял со своей головы шапку, блеснул своей лысиной, и засунул шапку между трубами.

– А свечей зря вы зажгли так много, мы бережём эту клетушку. Стараемся бывать здесь незаметными, чтобы нас никто не видал. Раньше на нас Моня часто облаву здесь делал, но увидав, что мы здесь в шашки и шахматы играем, прекратил нас проверять. А сейчас говорят, он вообще работает в другом месте, поэтому и в подвале не показывался целый месяц. Остальные жильцы нас тоже не беспокоят. Правда сюда никто кроме слесарей ЖКО, не ходит. Продукты хранить в подвале нельзя, тепло очень, или украдут. Хлам всякий держат. Я только зашёл сразу, ощутил запах горящих свечей. Некоторые жильцы дома знают, что мы здесь обитаем, но у нас с ними существует негласный договор. Они нас не трогают, и мы им не вредим, а проводим здесь время только зимой, когда замёрзнем, и уже много лет. А вы за один день можете её спалить. И где мы тогда будем досуг проводить?

– Ты что, Беда, на зоне отсидел? – показывая на бритую голову в шутку, спросил Фрол, – или под Юру Лба косишь, он тоже у нас сегодня забритый.

– С пацанами решили постричься. Скоро все подойдут сюда, увидите, – ответил Сергей.

– Беда, ты за хату свою не переживай, я правила жития помню. Сколько ночей пришлось здесь перекантоваться, одному мне и тебе известно, – успокоил Беду Лоб. – Я с Юркой, от Фаи Куркиной притащил стол и табуретки. Она новую мебель на кухню себе завезла. Думаю, ты возражать не будешь, если я первое время остановлюсь здесь.

– Живи, сколько хочешь, мне не жалко. Крыс сейчас нет в подвале. Коты всех передавили. В туалет ходи в другое крыло, где люк встроен на улицу, – посоветовал Беда. – Но, на твоём бы месте, чем по подвалам скитаться я пошёл лучше на завод. Там общежитие есть для хороших специалистов и весело всегда. Мазепу может, помнишь, с длинными руками, к сараям всегда приходил в карты играть?

– Конечно, помню, – ответил Лоб.

– Вот он устроился в судостроительный цех к моему дядьке Ивану, после тюрьмы, – сообщил Беда. – Мазепе общежитие сразу дали, а сейчас у него невеста есть. Жениться после поста будет, так он нашим мужикам говорил.

– Мазепу, я знаю хорошо, ему пять лет накрутили. Он машину шерсти с фабрики ПОШ умыкнул с Осипом вместе. Нужно с ним встретиться перетереть житуху вольную, может, что и понравится мне. А, что ты советуешь, мне это и в милиции скажут, или определяют на новый срок. Работать хочешь – не хочешь, а устраиваться надо. Для сосуществования нужны средства, а воровать я не хочу принципиально. Не моё это. Вот бомбить буржуев и барыг, над этим надо будет подумать на досуге.

За дощатой перегородкой слышался шорох и разговоры. Широко распахнув дверь, с фонариком в помещение вошли Дюк и Салёпа. Чинно поздоровавшись со всеми за руки, они сняли с себя головные уборы. Осмотревшись вокруг, сразу заметили перемену в хате, но промолчали. Для них было неожиданностью встретить здесь взрослую блатную тройку.

Они обычно по подвалам не бродили, а старались собираться где – то на квартире или в частном секторе. Для них доступ везде имелся.

– Эй, угланы, вы какой фильм смотрели, что обкарнали свои чубы? – спросил Гарик.

– Ничего мы не смотрели, решили и постриглись, – словно отдавая командиру рапорт, выпалил быстро Дюк.

– Браво, офицером будешь, если зубы вставишь, – подковырнул Кольку Гарик.

– А нам, думаю нужно сходить на вечерний сеанс, – предложил Фрол, – «Закон и кулак» посмотрим.

– Пошли, прямо сейчас, всё равно делать нечего, – дружно поддержали его приятели.

Беляк посмотрел на спящего Юрку, кивнув в его сторону, сказал, – Юрку углана нужно с собой взять, пускай развеесть, нечего ему в подвале припухать.

Юрка проснулся, услышав, что речь ведут о нём, сразу начал обуваться.

– Я, пойду с удовольствием, давно в кинотеатре не был, но вначале покушаю.

Он подвинулся к столу и начал с жадностью уплетать остатки пиршества, запивая еду не напитком, а вином.

– Юрк, ты чего делаешь, это же не вода, а вино, – предостерёг его Беда, – и ходить тебе никуда не надо. Отлежишься здесь до восьми часов, а потом пойдёшь в детский дом. Завтра в школу идти, сегодня вечером готовиться будешь. Не забывай выпускной класс у тебя.

– Беда, я жрать, как удав, хочу. Мне надоели детдомовские жилы, дай вкуснятиной насытиться, а вино это для меня компот. Ты не знаешь, сколько его я попил с Лукой.

– Что ты врёшь, вас кормят на убой, – возразил Серый. – Я знаю это, как никто другой. Колбасой вас каждый день не потчуют, зато мяса натурального всех сортов дают, и молока пьете, хоть захлебнись.

Юрка понял, что с питанием он приврал и перечить не стал, продолжая поглощать снесь со стола. Все ребята знали, что в детском доме есть своё дворовое хозяйство, со скотным двором, за которым ухаживал в основном Лука брат Лба.

– В кино, я всё равно пойду. До восьми вечера, я так и так успею вернуться, – упрямо заявил Юрка.

Взрослые стали собираться. Надев, свои длиннополые кожаны и серые одинаковые кепки, они были больше похожи на чекистов, чем на блатных. Это Беда отметил сразу. Юрка в своей короткой стёганой куртке и шапке ушанке, походил на беспризорника с вокзала.

– Зато, мне постригаться необязательно, у меня готово, ношу постоянно, – Юрка слегка приподнял шапку со своей головы, как бы прощаясь со всеми, и вышел вслед за взрослыми мужчинами.

В дверях они столкнулись с братьями Женькой Арбузом и Вовкой Туманом, в руках у них была большая молочная фляга. По их приложенным усилиям и напряжённым лицам, можно было без труда определить, что фляга не пустая, а заполненная жидким веществом.

– Это вы чего приволокли? – спросил Лоб у них.

– Знаем, что фляга. А что в ней, не знаем, – ответил Туман. – Грузчики разгружали машину с продуктами в наш магазин, она за пустыми бочками стояла. Грузчики или специально её заныкали, или припасли назад отвозить, а возможно забыли. Тяжёлая баклага и там, что – то булькает, давайте посмотрим, что в ней? – предложил он.

– Стоп, ничего трогать не надо, – предостерёг Лоб, – видите, на ней пломба стоит. Вас случайно никто не видал? – спросил он.

– Нет, во дворе никого не было, если только из окон кто засёк, – мотая головой, сказал Арбуз.

– Тогда лучше так сделайте. Вы сейчас её унесите отсюда и спрячьте в пределах подвала, чтобы её никто не нашёл. А когда успокоится всё и никто не кинется искать флягу, тогда посмотрим, что в ней содержится, – дал дельный совет Лоб.

– А чего её прятать, я поставлю в свой сарай, он у нас в следующем ряду стоит, мои предки туда не ходят, и пускай стоит, – предложил Арбуз.

– Может случиться так, что ты флягу спрячешь, и статью уголовную себе откроешь годика на три, – отговаривал его от глупой затеи Лоб. – Если будут шмонать, то перевернут всё, а хату вашу в первую очередь обыщут.

– А давай к Фае Куркиной поставим, на неё никогда не подумают, я сейчас замок её гвоздём открою и закрою, – предложил Вовка Туман.

– Вот это уже будет путём, – одобрил замысел Тумана, Лоб.

Через пять минут фляга перекочевала в другой сарай и была закидана старыми тряпками и замаскирована разной рухлядью. Избавившись от опасной улики, они допили остатки вина и доели всю закуску. Беда на удивление всем, тоже сделал несколько глотков вина.

– Что – то случится сегодня, или рога корова детдомовская сломает или наш директор шляпу потеряет, если Беда выпил, – выдал свою шутливую версию Дюк.

Беде от выпитого вина на душе стало удивительно приятно, он сначала улыбнулся, а затем рассмеялся громко, вспомнив, что с ним было два часа назад.

– Угадал ты почти Колька, потерял директор шляпу сегодня и ещё пальто своё габардиновое в придачу. Совсем недавно, у меня под балконом.

И тут Беда не выдержал, рассказал грибную историю, которая приключилась с ним.

Все смеялись, но не поверили, знали, что Серый мог и крепко приврать, а тут, когда он выпил, у него язык выдавал такие экспромты, от которых все хватались за головы.

– Беда, – сквозь смех подал голос Лоб, – ты и раньше зехера выкидывал, но сейчас повзрослел, наверное, роман о столбе сможешь накатать, не глядя. Или на сцене начудить, как Райкин.

– Нет, наверное, на сцене не смогу. Это я такой кривляка среди своих друзей, а на самом деле я очень стеснительный. Я даже в принудительном хоре в школе не пел, а только рот открывал, несмотря на то, что петь немисливо люблю, но пою, когда нахожусь в одиночестве.

– Если бы ты опрокинул кадушку с грибами на директора и на Аннушку, вони стояло на весь двор, и ты бы здесь с нами не сидел, а давал показания участковому Власову, –

с недоверием промолвил Колька. – Я однажды, нечаянно плечом её задел в школе на лестнице, она такой вой подняла. Родителей в школу вызывали, раздули, что я намеренно хотел её столкнуть. Плохая и вредная баба эта Вербицкая, – сделал заключение Дюк. – А в школу ходит каждый день, потому что дочку свою бестолковую за уши тянет из класса в класс. Обхаживает учителей да директора.

– Лоб, хочу у тебя спросить, а почему нас Беяк всех угланами называет, – сменил тему разговора Салёпа.

– Вы не обижайтесь, слово это неплохое, обозначает оно парнишка или хлопец, – пояснил Лоб. – Меня он тоже раньше так называл, а сейчас я вышел из подросткового возраста.

– Лоб, а почему у тебя фуражка полувоенного покроя, похоже, их сейчас и не продают, – вновь принялся доставать вопросами любознательный Валерка.

– Это ты правильно заметил, такой фургон нигде сейчас не купишь. На зоне такие шьют и носят из-за уважения к Сталину, поэтому и называют такие головные уборы его именем.

Юрка снял с головы свою фуражку, покрутил её в руках.

– Если нравится мой картуз, я могу тебе Валерка её подарить, но с обязательной заменой. Соглашайся пока я добрый, будешь в ней порхать, как урка, – уговаривал Лоб на выгодный обмен Салёпу, – а я на работу устраюсь, сразу тебе твою верну.

– Мне не жалко, если размеры угадаем, то давай поменяемся.

Пока они примеряли головные уборы, в хату вошёл Балта, переминаясь с ноги на ногу, он посмотрел с тревогой в глаза Беде, кивая головой, чтобы он вышел за дверь.

– Говори, не бойся, все уже знают, – догадался Беда, о чём хотел ему поведать Балта. – Я рассказал, но они мне не верят, Хочешь, я тебе помогу. Ты видал Вербицкую? Продолжай теперь сам.

– Нет, Аннушку я не видел. Бабки у сараев собрались тебя обсуждают, говорят, что ты её и директора облил помоями с балкона и кидал в них камнями. Директор сейчас находится у рентгенолога, голову просвечивает, якобы ты угодил ему в башку. Пробил даже шляпу, и он чуть кровью не истёк.

Беда возмутился принесённой новости, а мальчишки рассмеялись.

– Я пойду им сейчас разгон устрою, сплетницы беззубые, – негодовал Сергей. – Я бы таких старух на пенсию, ни за что не отпускал, будь моя воля. А заставлял работать полный световой день, чтобы времени на сплетни не хватало.

– О чём ты говоришь Беда, все наши сарайные бабки в жизни никогда не работали, – шепелявя, произнёс Дюк. – Посуди сам, Ханойка из дворянского рода, Пылева из подкулачников, Зарубина жена полковника в отставке, да и другие старухи с подобными биографиями.

– Зря ты Колька так говоришь, – возмутился Архип, – Марья Васильевна Конакова хорошая и правильная бабка. Она моя соседка я много знаю и про её семью и про неё саму. Она коренная москвичка. У неё отец был польский еврей, мать – русская. Девичья фамилия была у неё Татур. Когда ей исполнилось 19 лет, у неё умерла мать. А отец вскоре женился на молодой жене, которая младше Марии Васильевны была на два года. Марья Васильевна после с ним отношения порвала, взяла фамилию, и отчество дяди со стороны матери. И стала Марией Васильевной Васильевой. Работала она в «Московском Автогуштрессе» бухгалтером. У неё с молодости был сильный характер. В революцию ходила в красной косынке. Два раза была на приеме у Ленина. Всегда говорит, что умнее человека в жизни не встречала. А затем она вышла замуж за морского офицера Якова Николаевича Конакова из Кронштадта. Повелась на красавца с кортиком и из Москвы поехала за ним. Он был коммунистом и там попал под мятеж, где его контузило. После чего его списали на берег, и они приехали в наш город. Дед Яков умер четыре года назад, а Марья Васильевна порхает как девочка и думаю, многих старух переживёт, потому что все её деяния на добро устремлены.

– Да брось ты Архип, – зашепелявил опять Дюк, – все бабки у нас одним миром мазаны. Их хлебом не корми, дай только посплетничать.

– Без них скучно жить, сказал Балта, – а ты Колька вообще без них как лютик завянешь. Ты про них больше говоришь, чем они о тебе.

– Нужны мне эти старухи, чтобы я базары за них вёл, просто ясность иногда вношу относительно их прослойки, – отговорился Дюк. – Пошли лучше за голубями на чердак, – предложил он, – наловим и отварим в котельной. Давно не ели их.

– Поздно уже, на улице скоро темнеть начнёт, – сказал Беда, – не успеем ничего сделать. Домой пора собираться, завтра в школе переполох будет за наши причёски. Директор обратил внимание на меня и на замечание не поспешил. Думаю, что мы не одни придём на занятия в таком облике. Пацаны, которые пропарили ставки на хоккей, тоже остригутся. Подвели торпедовцы своих болельщиков.

– Все считают, если бритоголовый, значит бандит, – заметил Балта, – а мы сегодня из – за хоккея постриглись. Проиграли наши автозаводцы Спартаку, а спорили с ребятами с Моховой. И никому мы естественно подражать не собираемся, мы честь пацанскую блюдём.

– Врёшь Балта. Растёте братишки, – деликатно заговорил Лоб. – Вы вспомните прошлое время. В весенние каникулы всегда обрезали деревья, что до сих пор делают. Тогда посмотрели фильм Мамлюк, да, Три мушкетёра все как один из веток делали сабли и сражались дом на дом. А сегодня вам понравился бандитский фильм, и вы пошли на жертвы, лишив себя благочинных причёсок. Это всё многогранная мода творит чудеса, принося человечеству и вред и пользу. Мне когда – то нравился Урбанский Евгений в фильме «Коммунист». Думал, вырасту, буду как он, а потом посмотрел «Дело пёстрых», симпатией проникся к вору Сафрону Ложкину. Перед освобождением на зоне посмотрел старую картину, «Исправленному, верить». Смотрел до слёз. Размышлял о судьбе футболиста. И пришёл к выводу, что обстоятельства сильнее человека, невзирая на то, что в большинстве случаев человек сам себе и создаёт их. Отсюда исходит, – у людей разные характеры и управляют они ими по обстоятельствам.

– Ну, ты Лоб даёшь, в тюрьме, наверное, в бочке жил, как Диоген? – удивлённо спросил Балта, – с тобой разговаривать опасно, на конфуз можно налететь.

– Быстрее на кулак нарвёшься, – улыбнулся Лоб, – вы наверняка думаете, что в колониях отбывают тупоголовые типы. Нет, ребятки, мы бывало, книгу прочитаем, всем баракком, потом такие полезные читательские конференции устраиваем, что профессора могли бы позавидовать. Книжки и в тюрьме и на зоне уважают, и отношение к ним очень бережное. А ещё я вам скажу, лучшие библиотеки бывают только в тюрьмах. Пускай там книжки после ремонта, но найти можно любой томик.

Беда, принялся обувать высохшую обувь, за ним и другие парни зашпешили.

– Домой рановато ещё пока идти, пошли до кинотеатра прошвырнёмся, – подал идею он, – может, Юрку увидим. На душе неспокойно. Ему сейчас родителей разыскивает детская писательница Агния Барто.

– Интересно, найдут или нет? – загорелся интересом Лоб, – может и мне кто отца разыщет? Ведь жирует наверное где – то? Может где-то в Америке богатым банкиром стал, а может по ГУЛАГУ гуляет с котомкой?

– Насчёт твоего отца не знаем, а вот Юрке Балашу один ответ, обнадёживающий, уже пришёл от писательницы. Сейчас детский дом вместе с Юркой ждут окончательного подтверждения, – доложил Салёпа.

– Ладно, пацаны, пошли свежим воздухом подышим, – позвал всех Лоб.

Первый арест

...Они всей толпой вылезли из подвала и двинулись по центральной улице к кинотеатру. На улице уже смеркалось, под ногами было сплошное месиво, чавканье ботинок разносилось по всей улице. Пока дошли до кинотеатра, обувь у всех промокла, кроме сапог Лба. Валерка надел его тюремную фуражку и вышагивал в ней, как заправский жиган, но с сырыми туфлями и с большой заплатой на джинсах. Но несмотря на это у него было такое лицо и манеры, будто на голове его сидит не кепка зэка, а шапка Мономаха или царская корона. Присутствие самого Лба в компании мальчишек льстило им. Особенно это замечалось при встрече с другими знакомыми городскими взрослыми парнями, у которых тоже были бритые затылки и все они поголовно были облачены в ватные куртки. Они подходили, здоровались и общались со знакомыми Лба. Общий язык находили между собой быстро. Каких – то минут хватало, чтобы закрепить знакомство на будущее. Ребята потолкались, в фойе до начала сеанса, выкурив пол пачки сигарет за это время, и не встретив Юрку Балашова, все разошлись по домам.

Юрка в школе на следующий день не появился.

Ольга Рябова, – жившая с ним в одном детском доме, сообщила, что его ни вечером, ни утром не было. Раньше, за ним наблюдалось подобное явление, и этому факту особого значения не предавали.

– Наверное, застрял где – нибудь на хате с мужиками, – подумал Беда, успокоив себя.

Но на третий урок, вместо намеченной химии, в класс вошёл директор и классный руководитель.

Директор, находился во взвинченном состоянии. Он сильно нервничал, это было видно по нему. Он расхаживал по классу и дергал у себя из ушей торчащие волосы. Такая привычка за ним замечалась. Зинаида Васильевна, как всегда, пришла красивая и нарядная, но поникшая и расстроенная.

«Неужели по мою душу пришли, трёпку за грибной рассол устраивать? – врезалась Сергею в голову тревожная мысль. – Нет, не может быть, если мать не знает, что вчера произошло, то тут что, – то другое», – успокоил он себя.

Директор вырвал из уха пучок длинных волос, так, что глаза его увлажнились, и лицо, после чего приобрело более спокойный вид:

– Вы уже взрослые и детьми вас не назовёшь, но товарища своего прохлопали. Мы с себя тоже ответственности не снимаем, и спросят с нас за это упущение по всем статьям. А вы, с кем он вместе учился, и дружил не один год, не смогли его уберечь от дурной компании. Мы все со школой имеем на сегодня ЧП городского масштаба. Ученик вашего класса Юрий Балашов, сирота, вчера с взрослыми уголовниками, которым по тридцать лет, в нетрезвом состоянии совершили ужасное преступление. Ими были ограблены и жестоко избиты сотрудники горсовета. Ему за совершённое преступление грозит срок семь лет тюрьмы. Только сейчас звонил следователь из милиции и затребовал на него характеристику из школы. Я считаю, объективней она будет составлена при вашей активной помощи. Факт содеянного существует, но следствие и суд будет решать его дальнейшую судьбу. Включайтесь все совместно с Зинаидой Васильевной, и сегодня, – прямо сейчас.

– Михаил Иванович, а нужно отражать в характеристике, что детский дом занимается поиском его родственников, – спросила Ольга Рябова.

– Зачем это? – на данный момент он сирота, а если по уникальной формуле судить, то все мы здесь находящиеся связаны родственными узами.

– Каким боком, мне родственницей приходится Рябова? – с места спросил Женька Арбуз, – если мне Беда родственник, так об этом вся школа знает, а Рябова, кем мне приходится? Вы это можете научно обосновать?

Директор ничего, не ответив, вышел из класса.

...Новость о Балашове взбудоражило всю школу. Все разговоры в этот день были только о нём. В основном его жалели, потому что по натуре парень он был добрый и зла никому не причинял. Характеристику класс написал ему положительную, а школа и детский дом подали ходатайство о не привлечении его к суду.

...Беда ходил в этот день по школе сам не свой, ему казалось, что все смотрят на него осуждающе. И что доля вины в том, что произошло с Юркой лежит на нём, и в этом он сам себе признавался. Он мог помешать этому совместному, злополучному походу в кинотеатр Юрки с взрослыми и кручеными мужиками. Нужно было обязательно настоять, тем более Юрка был под хмельком. Оправдания в этом случае, Сергей не нашёл для себя. И дотошная совесть не давала ему покоя, она засела у него в груди и в голове, и будто стуча молоточком, укоризненно напоминала. «Ты Виноват во всём». Утешения и нужный совет он знал, где найти. После уроков его пыталась Зинаида Васильевна, в надежде расположить парня на откровенный разговор, но, зная, что Беда в тот день опрокинул ушат с грибами на директора и Вербицкую, ограничилась дежурным ответом Беды. – «Я его в тот день не видал, поэтому ничего не знаю».

Она поверила Сергею или сделала вид, что поверила, но в данной ситуации решила отношения с Бедой не выяснять. Он оделся и вышел из школы. По пути, как на грех попался директор.

Михаил Иванович зная, что Юрка является его не только одноклассником, но и близким другом, прочитал Бедо нотацию о товарищеских взаимоотношениях и комсомольском долге перед Родиной, видимо забыв, что Сергей комсомольцем никогда не был и быть не собирался. Но Беда втайне от всех был безгранично благодарен директору за человеческий жест в отношении его. Всё – таки перевёрнутая бочка грибных остатков, изрядно испортила ему гардероб. Бедо было не по себе и за причинённые его семейству неудобства, связанные с охлаждением жилища в зимний период.

Мораль, для себя он вывел, что не нужно в будущем делать скоропалительных выводов для людей, особенно таких, как директор, который жизнь свою отдавал в Отечественную войну, чтобы такие Серёжки и Юрки жили нормально.

Михаил Иванович, который был два дня назад его первым врагом, оказался проницательным и понимающим людские души человеком. Несмотря на фронтовые контузии и многочисленные ранения, он обладал педагогическим даром, это понимал Беда и раньше, но мальчишеские амбиции брали постоянно верх над разумом.

Сейчас Сергей смотрел на директора и думал, что может на самом деле они родственники, или директор резко поменял своё отношение к нему. Потому что надоело без стёкол жить, особенно в зимний период.

...Михаил Иванович высказал Бедо свою нравоучительную речь, после которой у него зубы заныли. Директор призывал Сергея тщательно проанализировать произошедший случай с Юркой Балашовым, и мысленно выпороть себя, чтобы сделать для себя соответствующие выводы. Директор назидательно погрозил Бедо пальцем и открыл дверь школы.

Сергей, не заходя домой, направился к своему дядьке. Иван лежал в коридоре на полу и потягивал папиросы, стряхивая пепел на обломанный алюминиевый половник. Такую позу он принимал часто, когда появлялись проблемы с позвоночником.

– О, вот и Серёга появился, – мучительным голосом вместо приветствия произнёс он, – знать опять, что – то набедокурил. Ты в последнее время только и заходишь, когда у тебя неприятности, а нет бы, справиться о моём здоровье, да за собаками присмотреть. Я тебе их больше доверяю, чем другим родственникам. Манане некогда, Алик ещё не созрел до таких собак. А дочка вообще ещё кнопки. Весна на дворе, поясницу ужасно резануло, словно парализовало. По квартире, как аршин передвигаюсь с палкой или с костылями уже третий день.

Врача пришлось на дом вызывать. Этот радикулит, такая напасть. Я молодой ещё, а эта зараза, говорят болезнь стариков.

Он посмотрел на племянника и сразу обратил на его причёску:

– А почему ты лысый? – удивлённо спросил он, – тепло почувствовал, рано ещё до него. Ладно, пошли на кухню чайку попьём, предложил он и, кряхтя со стоном, поднялся с пола.

Взял стоявшую у стены, вырезанную из тополя палку и, опираясь на неё, с трудом начал передвигаться.

– Каникулы Иван были, – начал оправдываться Серый, – с друзьями закрутился, то спорт, то во дворце культуры смотр художественной самодеятельности смотрели. Интересно на другие школы смотреть. Больше, конечно, туда ходили, чтобы ноги по лужам не таскать. Так много воды в этом году, – посетовал Сергей. – Пройти по городу негде, по несколько раз на дню приходится обувь менять да сушить. А недавно Юра Лоб освобождился, такой умный стал. Заходил к нам в подвал. Наверное, первое время ночевать там будет. У него сложности дома с этим вопросом.

– Умный в подвале спать не будет, – разливая по стаканам чай, сказал Иван. – Ему на завод надо идти, только там он обретёт жильё и вторую семью. Она поможет ему стереть из памяти ненужное прошлое. Завод «Теплоход» в нашем городе единственный, наверное, остался, где выделяют хорошие общаги.

Он достал из горки пачку сахара рафинада и высыпал его в сахарницу, стоявшую у локтя Сергея:

– Пей чай, а то остынет. Холодный чай – это уже не чай, а помой, – и пододвинул сахарницу к носу племянника.

Затем также с трудом присел на стул, как вставал с пола:

– Если через пару дней боль не утихнет, придётся в больницу ложиться, хотя с одной стороны выгодно болеть, профсоюз оплачивает бюллетень стопроцентно, а с другой стороны некогда болеть, дел и по дому и на производстве по горло.

Он отхлебнул чай, обжигая губы, поставил стакан на стол. Посмотрев пристально на Сергея, сказал:

– Тебе племянник, я вот что скажу, – ты дружбу поменьше с ним води. Он намного взрослей тебя. Какие у вас общие интересы могут быть? К тому же он парень проблемный, с гонором. И нужно учитывать, с каким багажом он вернулся на свободу, злым на весь мир или с нормальными человеческими намерениями. С ним можно влететь в непонятную историю и загреметь туда, откуда он пришёл. Я понимаю, что выросли вместе в одном дворе, но вести себя с ним нужно разумно. Запомни это!

– Ты Иван не совсем прав, – возразил ему Сергей. – Не такой уж я маленький, чтобы меня в паутину затягивать, и он нормально рассуждает. Конечно, он блатной сейчас. Но напоказ, как другие себя не выставляет. За собой, я думаю, он никого тоже не потащит. А насчёт того, что ты говоришь он проблемный. Да мы все пацаны с проблемами. Арбуз, друг мой и брат троюродный, из богатой семьи, на одни пятёрки учится, а тоже иногда и по шее с удовольствием кому врежет. Бывает, что нагрубить взрослым может семиэтажным матом.

– Не Арбуз, а Беркут, – поправил его Иван. – Ты его с собой не путай, за него есть, кому заступится. У него отчим в облисполкоме работает. А у тебя только я и дед Роман. Мать в счёт не бери. Тебе пора уже думать об институте, а не с Волковым водиться.

– Преувеличиваешь ты насчёт него, – доказывал Сергей. – С Юрой можно общаться.

– Ты мне не перечь, – наставлял Иван племянника. – Я тебе толкую, что он проблемный и с гонором. Со всеми всегда идёт на обострение. Действия свои не обдумывает, а прёт, как танк на амбразуру, а потом за голову хватается. Такие люди вначале в состоянии аффекта творят дела, а потом по полочкам раскладывают свои навороченные деяния. С ним попадёшь в передрагу, потом всю жизнь отмываться будешь.

Сергей обиженно склонил голову вниз. Дядька был, прав именно таким выглядел Лоб до сидки.

– Я Иван тебе не перечу, не поднимая головы, бурчал Сергей, – я тебе просто своё мнение высказываю. Он с нами долго беседовал на жизненные темы. Рассказывал с кем и как сидел, чему научился. Воровать наотрез отказывается, зарок сам себе дал. Про какого – то Ромба вора в законе, своего старшего друга рассказывал, который его уму – разуму учил.

– Про кого? – переспросил Иван.

– Ромба, – повторил изумлённый Вовка, – что знаешь его?

– Похоже, знал и неплохо. Вместе отбывали. Пайку в своё время пополам делили. Если Лба свела судьба с Колей Ромбом, то значит, твой Волков был в неплохих руках. Но меня это всё равно не убеждает. Ромб не мог идти по воровской линии. Слаб он духом, а вот картёжник и фокусник был от бога. Но опять же я сомневаюсь, чтобы Коля Ромб был близок с Юрой. Лоб по природе баклан, не может он находиться в одной семье с вором в законе, возможно даже бывшим. Но со Лбом мне надо встретиться. Передай ему, что бы он зашёл ко мне.

– А что ему говорить, он сейчас, наверное, в подвале сидит, а если нет, то вечером обязательно будет. У нас там кое – что припрятано, – сегодня должны осматривать.

– Ты, какими – то загадками говоришь, или тайны от меня появились, – возмутился дядька. – А ну, выкладывай, что вы там закурковали? – стал допытываться он.

– Не могу пока, не обижайся, потому что это тайна не одна моя, а позже я тебе расскажу обязательно. Из нашего класса вчера Балаша посадили, наверное, судить будут.

– Это Юрку что – ли, друга твоего из детдома? – спросил Иван.

Сергей утвердительно помотал головой.

– И что он такого натворил, умыкнул что-нибудь?

– Хуже. Избили и ограбили сотрудников горсовета.

– Да, это очень даже серьёзно, он покусился на власть, раскрутят на полную катушку, – изрёк Иван, – статья 206 и 145 по УК, но по малолетке одна статья отвалится у него. Включат смягчающие обстоятельства. Всё равно хвоста накрутят не хило, – заключил Иван.

– Он, не один был, а с Беляком, Фролом и Гариком, – продолжал раскрывать истину Сергей.

– Ещё хуже для него и их, а они портяночники, зачем его за собой потащили. Этим они усугубят своё положение. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность добавит им срок. Понтырки они, на серьёзное дело неспособны, разве попинать кого, или пьяного раздеть. Правда, Фрол мужик с головой, работающий. А Гарик с Беляком только лежбища себе выискивают, как сивучи. Ну, пускай парятся теперь, а мальчишку жалко, жизни ещё не видал, и какая она будет у него в дальнейшем, это вопрос? Вот и тебе пример, только, что мы разговаривали с тобой о Лбе. Не исключена возможность, что общение с Волковым, может привести дворовых хулиганов к подобному исходу, что и тебя касается. Мотай на ус! Лучше на свободе овсянкой питаться, чем в тюрьме котлетами. Усваивай племянничек эту школу. Она тебе может пригодиться и береги мать. Для тебя на земле мать должна быть самым дорогим человеком! И не забывай у тебя экзамены на носу. Готовься!

– Понял всё я, спасибо за чай, – Сергей отставил бокал от себя. – Я, наверное, побегу, дома ещё не был.

– Ну, иди, всё – таки про собачек не забывай, – сказал он вслед племяннику, – и Лоб пускай заглянет ко мне. Что – то взволновала меня твоя новость.

Сергей прибежал домой. Как всегда, на ходу скинул с себя пальто и обувь. Мать сидела на кухне с книгой. Он знал, что она непременно проверит его обувь и спросит про новости в школе. Уходя от неприятного разговора, он залез в туалет.

Она прошла, проверила в каком состоянии у него обувь. Убедившись, что она сухая, через дверь спросила:

– Серёжа, какие новости в школе, какие оценки получил?

– Мам, какие новости могут быть и оценки, первый день после каникул, – прокричал он ей из туалета, – давай обед, я тороплюсь. Ивану нужно помочь с собаками и в голубятне прибраться. Его опять радикулит согнул в три погибели. Он с клюкой передвигается по квартире.

– Тебе больше всех надо, у него, что некому помочь, опять придёшь в измазанных штанах, а мне стирай потом.

– Мам, ты же знаешь, что нет у других родственников большой любви к животным. А если нет, то и сделают не от души. А собаки, как люди, они всё понимают.

– Ты бы так к учёбе относился, как к собакам и голубям, – наверное, круглым отличником был.

– Учёба, это предмет неодушевленный, её нельзя любить, её можно изучать, – сделал окончательный вывод Сергей.

– Выходи, давай из туалета? – нашёл, где умничать, садись обедать. Не забудь руки вымыть, – напомнила ему мать.

...Плотно пообедав, Сергей забежал к Ивану за ключом от сарая. Дал собакам поест и налил воды для питья. Выгуляв у сараев собак, он заспешил в подвал. Ему не терпелось встретиться с Юрой Лбом, расспросить его о Ромбе, хотелось первому принести новость деду, если это тот самый человек. А потом пригласить Лба к нему для продолжения беседы.

Он шёл по сарайному пролёту, аккуратно обходя большие лужи, из головы не выходил Юрка. До боли было его жаль, сколько лет вместе и в школе и в пионерском лагере провели.

Сколько с ним почудили за это время. Он был парень свой в доску, как Иван любил говорить о хороших близких ему людях.

Юрка парень был кремень. Лишнего никогда не скажет. Единственный недостаток, который Беда прощал Юрке, – у него часто выступали слёзы, когда он обижался. Эту слабость имели почти все детдомовские ребята, разве, что от Ольги Рябовой он не видал никогда слёз.

Выходя из сараев, Беда увидал знакомую аварийную машину, проезжающую мимо него. Ошибиться он не мог, эта машина была Фрола.

Сергей пронзительно засвистел, машина резко затормозила. Беда подбежал к ней. За рулём сидел Фрол, в своей несменной серой кепке и толстом вязаном свитере, которым он гордился и всегда говорил, что этот тёплый свитер подарок известного шамана из Заполярья.

– Ты чего Серый рассвистелся, ментов на шею хочешь насвистеть? – широко улыбаясь, сказал Фрол. – Что вылупился, думал я в милиции, клопов кормлю. Не пошёл, я вчера с ними, но что натворили, знаю, – на более серьёзный тон перешёл он.

Беда залез к нему в кабину и спросил:

– Чем Юрке можно помочь?

– Им сейчас ни чем не поможешь, но для своего друга, пока он в КПЗ находится, соберите передачу. Ему она необходима, сухари, сахар, курево, – это самое главное, а остальное на ваше усмотрение. Недельку они будут здесь, а потом поедут на тюрьму в следственный изолятор. Там сложнее заслать дачку.

– Так, чего ты не говоришь, что они выкинули, – спросил его Беда. – Нам в школе поверхностно объявили, а детали скрыли.

– Выкинули они несколько лет из своей жизни, это уже точно, может твоему другу, и простят на суде, а моим друзьям, накрутят по полной программе. Не ходи к гадалке. Они избили и ограбили влиятельных людей, у кого – то был нож. Один из горсовета лежит в больнице с побоями и сломанными пальцами, а двое других тоже получили по рогам прилично, и раздеты были до трусов. В подворотне ресторана «Астра» всё случилось. Они зависали там в баре. А взяли их на хате у Маханши на Свободе. Дураки, их же весь город знает, разве можно такое творить, и у милиции они на виду. Работать им было нужно, идти, тогда бы не было времени ерундой заниматься. Я давно это понял, ничто так не воспитывает и не дисциплинирует, как

труд. Виновато во всём вино, – изрёк Фрол, – а по тюрьмам лазить, это на личную жизнь наплевать. Я это прошёл и знаю. Вот так уважаемый Сергей Беда.

Фрол слегка похлопал его по плечу. – Ладно, бывай, мне пора ехать. Бригаду с объекта надо забирать. Не грусти, – жизнь продолжается!

Сергей вылез из кабины. Машина тронулась с места, оставляя глубокие борозды на рыхлом, вперемешку с грязью снегу, как бы прокладывая для Беды, сухую тропу, по которой он пошёл, не замочив ноги, и давая понять, что по дороге в жизни нужно идти прямо, а не петлять.

Сергей спустился в подвал. Подходя к своей хибаре, он уже понял, что кто – то там есть. Оживлённые голоса раздавались на весь подвал. Запах воска и табачного дыма резко бил в нос.

В штаб – квартиру, находились Лоб, Дюк и Салёпа. Беда со всеми поздоровался, снял с себя пальто и повесил его на вбитый в доску гвоздь:

– Накурили, продохнуть нельзя, хоть бы по одному курили пацаны, – сделал он им замечание и сев на топчан сказал:

– Поговорить серьёзно надо.

– Мы уже в курсе дел Серёга. Про Юрку, участковый Власоедов рассказал моему отцу, – опередил Беду Колька. – Он был сегодня утром в военном комиссариате, и они с отцом встречались. Он просил копии документов, которые собирали на Юрку, когда его хотели направить в суворовское училище. Теперь Юрке не светит ничего, кроме срока, так сказал отец. Хотя участковый будет пытаться, что – то сделать, чтобы облегчить Юркину участь. Он хочет всю вину за совершённое преступление переложить на Беяка и Гарика.

– Поздно после драки кулаками махать, вот моё мнение парни, – заявил мудро Лоб. – У Юрки нашли нож, если ментура докажет, что именно он им размахивал, это значит, Балашу сплетут лапти, как пить дать и никакие бумаги ему не помогут. Погодите, верёвки ещё свяжут и Вальке Маханше. Статей на всех хватит. Уголовный кодекс у нас богатый. Жалко, конечно, пацана, но он там не пропадёт. Сирот на зоне не обижают. Если только на малолетке могут. Там дурней хватает, да и порядки, как в армии. Маршируют с песнями. Везде строим: в столовую, в школу, на работу. А самое плохое это бальная система.

– Что это такое? – проявил интерес Беда.

– Это Серёга «блядская», до безумия унижающая человека система, которую придумали партийцы. Как бы тебе ясней объяснить. – Лоб, на минуту задумался. – Короче, к примеру, нашли у тебя пыль на шконке, то есть на кровати, снимают с отряда пятьдесят баллов. Получил двойку, тоже извольте лишиться кровных очков. А если серьёзное, что – то совершил, когда на тебя рапорт пишут, совсем труба. Вечером на подсчёт баллов бугор идёт к заму по воспитательной части и приносит портянку с нарушителями, после чего этих нарушителей прессуют в каптёрке, да вдобавок ещё наряды вне очереди дают. Самым серьёзным нарушением считается побег или попытка к побегу. Лишают за это всё отделение на полгода условно-досрочного освобождения. Каждый твой шаг оценивается баллами, проявил, где – то инициативу пополнишь отделению баллов. Короче, вся эта бодяга называется социалистическим соревнованием. Каждый бугор дерёт свою задницу, чтобы его отделение было первым, чтобы ему на свободу пораньше выйти. Дико бывает. Сегодня ты паренька колотишь, что по его вине лишились баллов. Завтра ты проштрафился, он на тебе злость выместит ещё лютее. Вот, что такое бальная система, или у нас, её иначе называли круговая порука. За такую поруку пострадал мой брат Колюка, воткнул в бок заточку активисту и пошёл на раскрутку за добавкой к основному сроку.

– Ты такие ужасы рассказал, что действительно, будешь остерегаться этой колонии, как холеры, – выслушав Лба, испуганно произнёс Дюк.

– Вам это никому не грозит, – успокоил всех Лоб.

– Это почему? – взволнованно спросил Валерка.

– Вы с Колькой из детского возраста вышли. А у Серёги совершеннолетие тоже не за горами. К тому же вы все из положительных семей. Кто же вас посадит?

– Тюрьмы я не боюсь, – смело заявил Беда, – но что ты нам сейчас рассказал, это средневековье. И если бы довелось мне на своей шкуре испытать эту систему, то плохо бы пришлось тому, кто посмел бы надо мной такие эксперименты проводить. Я себя унижать не позволю.

– Я же вам объясняю, что это система, – спокойно объяснил Лоб. – А чтобы её сломать, нужно подымать анархию, чтобы она дошла до самого верха. Но, после анархии обязательно кого – то из эков отдадут под суд. Вот и подумай, как тут быть, или терпеть до взросления эти унижения, или делай революцию и иди на новый срок.

– А как же ты там ужился в таком климате? – вновь задал ему вопрос Беда.

– Я, другое дело, я всем сразу дал понять, что враз замочу, если хоть одна тварь посмеет руку в отношении меня отвести. Но я особо не нагнул. Старался на рожон не лезть. Я одному шустрику из Татарии накинул чехол от матраца и отметелил того за милую душу. После чего меня бояться стали, а ребята из Казани зауважали. Они тоже злые на него были. Конечно привилегий, какие были у актива, мне не давали, но я и сам за ними не гнался. Если бы захотел, взял бы самостоятельно, ни у кого не спрашивая. Я был доволен тем, что меня не допекали. Знали, что связываться со мной смертельно опасно для жизни!

Лоб дико захохотал на весь подвал.

– Так, значит, жить там всё – таки можно? – переспросил его Беда, когда он успокоился.

– Отстань от меня, – нервно ответил ему Лоб. – Я вам всем битый час на днях рассказывал, что всё зависит, как себя сумеешь поставить. Понял?

– Понял, вот с этого и надо было начинать, а то начал нам сагу ужасов рассказывать.

– Беда, сейчас сайку получишь, вы же сами до меня со своими вопросами до махались. Что спрашивали, то я вам и вещал, – на весёлую интонацию перешёл Лоб.

Все громко рассмеялись. Беда поднял руку кверху, давая понять, что хочет сообщить важную новость. Все замолчали, кроме Лба. За долгие годы он забыл повадки Серого.

– Я что думаю, пацаны. Мне встретился Фрол только что, как прийти к вам. Он говорит, Юрке в данное время мы можем помочь, только продуктами, купить и передать в милицию. Денег нужно прилично. Нам много не добыть. Но у нас за стенками стоит фляга неизвестно с чем, возможно там подсолнечное масло. Мне сколько раз из такой тары наливали в нашем магазине его. Я предлагаю продать масло, своим родственникам по низкой цене и на вырученные деньги, помочь Юрке. Скоро появятся Арбуз с Вовкой Туманом и надо флягу принести сюда.

– Это верное решение, – парня нужно подогреть, молодец Беда, – похвалил Лоб Серого. – Делать только нужно быстро и с осторожностью, а лучше на рынке предложить знакомым оптовикам. Видать спокойно обошлось с этой флягой, а то бы сегодня легавые уже всё облазили и опросили всех у кого окна на магазин выходят.

– Слушай Дюк, а что если твоей матери в столовую загнать, – осенило Салепу. – Для неё барыш знаешь, какой выгодный будет. Она тебе за это точно штиблеты новые купит, и нам поможет.

– Надо поговорить с ней сегодня, я знаю, что она в конце месяца остатки снимает и наваривает неплохо, – прошепелявил Колька.

– Дюк, ну ты даешь, тебя не спрашивают, что она делает у себя на работе. Тебя просят предложить ей выгодное дело, – раздражённо, почти выкрикнул ему Лоб, – а ты взял и заложил нам свою мать. Может здесь за дырявыми стенами, стоит работник конторы и слушает, о чём мы говорим. Нельзя этого делать. Семейные дела, никогда ни кому не рассказывай. Знаешь, как много сидят по тюрьмам родителей из – за своих болтливых детей? Их называют на зонах жертвами Павлика Морозова. Нам в школах постоянно твердили, и по сей день твердят, что он герой и пал от кулацких рук. Хотите, верьте, – хотите, нет, но его поступок осуждают многие эки. По сути дела, он заложил своего отца и деда, когда семья от голодухи пухла.

– Разногласий по Павлику много ходят, – сказал Беда, – и ещё долго будут ходить. Мы не имеем права его обсуждать. Пока ещё дом пионеров и двадцать первую школу называют его именем.

Лоб поднялся с топчана, прикурил папиросу. От едкого дыма папиросы он прищурил глаза, разгоняя рукой выпущенный изо рта клуб дыма:

– Трудно с вами базарить на эту тему, – подрасти трохи вам нужно. Возможно, для кого – то он герой, потому что вы не знали, как переносится тяжело голод. А старые люди испытали на себе эту катастрофу.

За дверью послышался шорох, Дюк испуганно поднёс палец к губам, чтобы все замолчали. Его впалые глаза, хроническая худоба и безволосая голова, при тусклом освещении свечи производили в этот миг на него мифическое сходство с жителями подземного царства. Беда мгновенно представил его в саване и с косой. И подумал, что если ему вручить эти аксессуары и пустить по подвалу и чердаку, то жители дома надолго забудут дорогу в эти места.

– Кошки это, что ты напуганный какой стал, – засмеялся Беда, – весна на дворе, пора любви. При этом он не спеша, встал с места и отодвинул дверной засов.

В темноте ничего не было видно, но звук убегающих животных хорошо слышался. Кольку подняли на смех, он стоял оконфуженный с глупым выражением лица и оправдывался:

– Кошки обычно при любовных делах звуки издают, а тут шорох подозрительный, я на всякий случай предупредил. А вы смеётесь, – сами всегда говорите, что бережёного бог бережёт.

– Всё правильно Никола ты сделал, – одобрил его действия Лоб. – Я лично смеялся над твоим видом, ты мне в это время напомнил узника из Бухенвальда. А по конспирации ты молотком себя проявил. Я только одного не пойму, зачем тебе артиллерийское училище, твоя стихия разведка, – издевался Лоб над Колькой.

– После операции я похудел на пять килограммов, сейчас потихоньку вес входит в норму. А поеду я поступать в Забайкалье, в Читу. У отца там связи имеются неплохие, – объяснил Колька.

– Зря вы лезете в эти училища. Погоны вас прельщают, а жизнь у военных несладкая. Поймёте это позже. Мне, например, не по нутру, каждый день честь отдавать и выполнять чьи – то команды. Вот если бы, сразу генералов давали после окончания, или полковников, я бы тогда подумал, – сказал Лоб, – а сейчас с моей биографией, меня даже в легион смертников не возьмут. Поэтому в понедельник иду на завод устраиваться. Уже обдумал капитально всё. Деваться некуда, работать всё равно нужно, чтобы милицию к себе не привлекать.

...Вдруг за дверью раздался звук милицейского свистка, Лоб от неожиданности упал с топчана и смачно выругался.

Пришло время смеяться мальчишкам. Они знали, что за дверью стоит Балта. Он искусно подражал губами такой свист, что отличить было невозможно. По этой причине участковый, при встрече с Балтой всегда поверхностно обыскивал его, требовал, чтобы тот выдал добровольно милицейский свисток. Не найдя в карманах ничего, обещав при следующей встрече в обязательном порядке отобрать свисток, но как только он отходил на приличное расстояние от Балты, слышал за спиной пронзительный свист. Тогда он оборачивался, и долго вслед грозил свистуну.

Лоб не знал, что Балта освоил такое искусство, потому и упал, перепугавшись с топчана. Поднявшись с пола, он удивлённо взглянул на мальчишек. Они надрывались от смеха, так – как свист за дверью не прекращался.

И только после того, как Дюк открыл дверь и в хату ввалились Балта, Арбуз, Туман и Перо, он с гневным видом подошёл к пацанам и заорал:

– Что за шутки, вы сявки тумакковые. Схрон свой спалите такими концертами, и тогда фестивалей здесь не будет никогда. Гоните сюда дудку ментовскую, у кого она? – он вопросительно на всех посмотрел.

Архип собрал губы и коротко почти в лицо свистнул Лбу. Вновь раздался оглушительный смех, к которому подключился и Лоб. Насмеявшись от души, они закрыли дверь и уселись за стол.

– Балта, ты, где такому научился? – спросил Лоб, – хорошо у тебя получается. Прямо мастер художественного свиста.

– Я ещё не так могу, – гордо сообщил он. – Меня за этот свист несколько раз выгоняли с поля, за то, что я игру останавливал на футболе. Власоедов за свистком домой к отцу зачастил. Требовал, чтобы милицейская принадлежность была выдана добровольно. Отец ему пообещал, что как только увидит у меня свисток, сразу отберёт. А чего он у меня будет искать, если нет ничего. Свистеть меня Миша Криль научил. Остальные звуки, я как – то попробовал. Получилось. Но самый прикольный для меня это милицкий свист. Как свистнешь, где ни – будь на рынке или в толпе, кричим, – шухер, менты. Барыги сразу, кто ментам не платит враспынную разбегаются, иногда товар свой бросают, а мы его забираем. Один раз семечек полмешка досталось, а другой – вязанка банных мочалок. Мой отец до сегодняшнего дня не знает, что выдаю, я такие трели губами. А Власоедов меня года три не допекает со свистком. Отец хотел купить в магазине свисток, чтобы отдать участковому, но всё забывал. Вырезал с липы свистульку. Вставил внутрь горошину и отдал участковому, а звук непохожий. После этого он к бате перестал ходить, но при случайной встрече меня всегда шмонал. Я же не лопух сам подходить и здороваться с ним.

Лоб слушал его и закатывался от смеха.

– По шее от барыг не получал за такие капканы? – отсмеявшись спросил он.

– Нет, пока обходилось нормально.

Наступила секундная пауза. Лоб кашлянул в кулак:

– Арбуз, идите с пацанами к Фаине за флягой. С кем вы её прятали вчера? – спросил Лоб, – пломбу сейчас будем снимать.

Сняв с себя верхнюю одежду, Арбуз порылся на полке, достал оттуда гвоздь и отдал его Туману. Вскоре фляга была на месте. Сорвав пломбу, Лоб открыл крышку. В нос ударил запах спиртного.

– Ничего себе, – присвистнул он, – видать, Колька, твоя мать останется без приработка. Здесь не масло, а вино. Дайте зачерпнуть чем? – пробу снять надо.

Ему протянули ложку. Дегустацию сделали Салёпа и Дюк, они определили, что вино Столовое. Беда явно был огорчён содержимым фляги, и Лоб это заметил сразу:

– Не переживай Серый, этот товар у нас уйдёт не хуже. Тем более он дороже, чем масло, тут и нам за глаза хватит и Юрке на подогрев. Завтра, я лично утром к мужикам в сарай схожу и им предложу. Они по утрам частенько болеют. Самогон ищут, а тут высшее лекарство раньше времени с доставкой придёт. Но продавать, я им не буду, а предложу, чтобы они вам помогли денежкой, – успокоил Лоб Беду.

– Пацаны, нужно, наверное, мешок брать и идти на чердак за сизарями, – предложил Салёпа, – под такое вино нужно мясо.

Никто возражать не стал, тем более идти далеко не надо было, а всего лишь по лестничным маршам добраться до чердака. Голубей наловили и наварили целое ведро, к шести часам вечера по подвалу разносился аппетитный запах мяса. Опасения были, что в керогазе не хватит керосину, и мясо придётся, есть недоваренным, но всё обошлось. Мясо получилось отменное, принесли хлеба, луку, и разложили всё на столе. Лоб, перед застольем всем сразу объявил, что вино хоть и некрепкое, никому не пить больше стакана. Вино черпали стаканами, окуная грязные руки во флягу, и закусывали голубями.

Наука Лба

Салёпа и Дюк чувствовали себя хорошо. Они после сытного ужина быстро собрались и вышли на улицу прогуляться.

Всех остальных, кроме Беды, вино уложило вповалку спать. Перо и Арбуз бегали за дверь, их сильно тошнило. Уснули они на топчане, в неудобной позе. А Туман с Балтой пошли спать к Фае в кладовку.

– Вино это не столовое, – заметил Лоб, – столовое одиннадцать градусов, их бы оно не укатало так. В прошлый раз они водку пили, в которой все сорок градусов и были в порядке, а сегодня с такой обильной закуской их умурило. Не пойму?

– Я в этом ничего не понимаю, но вчера выпил молдавского вина, запьянел, – сказал Беда, – сегодня такого ощущения нет.

– Ты посиди пока со мной, если не торопишься, – попросил Лоб. – Не дай бог они траванулись, мне за это если узнают, могут так влить, что мало не покажется. Будем надеяться, что обойдётся, – успокоил он себя.

– Я не собираюсь, пока никуда. Буду ждать их в любом случае. Если они дома спать сегодня не будут, то и мне их родители покоя не дадут. Прибегут узнавать, где они есть.

Серый, разломал пополам голубя, одну половину протянул Лбу, вторую принялся грызть сам. Мясо было холодное, но вкусовых качеств не потеряло. В ведре ещё оставалось много тушек этой дичи.

– Тебе придётся одному всё это доедать, – мрачно сказал Серый, – если не доешь, не выкидывай, я собакам Ивана завтра отдам.

– Конечно, не съем, – удивлённо протянул Лоб, – я же не удав.

Но на всякий случай ведро с голубями Сергей поставил к изголовью Лба:

– Лоб, я тебя сегодня весь день хотел спросить, а твой друг Ромб на Буреполове не сидел? Дядька просил узнать. Если сидел, то он велел к нему зайти. Он с радикулитом дома сидит, на работу не ходит.

...Лоб встрепенулся с топчана и лихорадочно затряс головой. Затем ладонью начал бить себе по голове, ругая себя последними словами:

– Дурень я недогадливый, бестолочь, я же слышал, несколько раз про Беду, но никак не думал, что это Иван. Видишь ли, ваша фамилия Беда, а я думал, он про кликуху вспоминает. Он попал в лагерь с Москвы, но родом с Карпат, учился в цирковом училище. Ты посиди здесь, я живо сгоняю к твоему дядьке. Это надо же такое совпадение.

– Не надо к нему сейчас идти, ему нездоровится и в доме полно народу, – начал отговаривать его Серый. – А при родне он никогда не говорит ни с кем о своём прошлом. Он меня одного не чурается, у нас с ним дружеские отношения. Лучше давай завтра после второго урока сходим к нему. У меня будет возможность отсутствовать на последующих занятиях.

– Верняк говоришь, так и поступим, а я до этого попробую наше винишко пристроить надёжным людям. То, что тебя дядька любит, как сына это ни для кого не секрет. Поэтому ты и правильный такой, но временами излишне шепутным бываешь. Сейчас постарше на несколько лет стал, наверно остепенился или такой же остался? – спросил Лоб.

– Если честно, то, каким я был, таким и остался.

– Беда уверяю тебя это не катастрофа. Наоборот, хорошо – за себя постоять сможешь. Ты же знаешь, я сам такой, а может ещё хуже. В чём – то здесь есть свои плюсы. Когда все трясутся от страха при твоём виде, это как бальзам внутрь. Давай мы с тобой ещё выпьем чуточку этого компоту, пока эти сони сурка давят? – предложил он.

– Мне больше нельзя, домой приду, мать унюхает, шуму будет, на весь дом. Не хочу её огорчать. Правда приходит она поздно. А может совсем не прийти. Работы в КБ у них сейчас

много. Да ещё она во дворце ведёт курсы кройки и шитья. Но я всё равно думаю, она меня обманывает насчёт работы. Мужик у неё важный завёлся. Колчин фамилия, зовут Герман, – он из рода Тургеневых. Он капитаном – на большом трехпалубном туристическом теплоходе работает. Бабок, наверное, много у него, без подарков не ходит. Он моложе матери, но любит её сильно. Раньше тоже в футбол играл. Думаю этот Герман мамкино счастье. Всё – таки она у меня ещё молодая, жить надо. А я скоро школу закончу и уеду отсюда, учиться на морехода.

Будешь мореходом, убьёшь в себе великого артиста, – сказал Лоб.

– Да понимаю я всё это, но хочу стабильной жизни. Если бы мне как артисту сразу дали обязательную рабочую программу. То есть пожизненный контракт со мной заключили. Тогда конечно я бы на сцену забрался. А так в покер играть с режиссерами я не хочу.

– Где – то ты и прав, – согласился с ним Лоб, – а может ты за материного жениха, умотать хочешь? – спросил он.

– Нет, конечно, – взъерошился Серый, – я наоборот маме счастья хочу. А Колчин мужик правильный. Он старше меня на десять лет. Он уже сейчас матери говорит: «Клава бросай работу, занимайся воспитанием Сергея. Я в силах не только вас прокормить». Сразу видно, что мужик не прижимистый, а добрый как дед мороз. Да и дядька Иван о нём хорошо отзывался. Он его со школьной скамьи знает. И этот Колчин нам является дальним родственником по бабушке.

– Хорошо такого отца или даже отчима иметь, а я никакого не имел и не имею. Я, раньше хотел отца, пускай даже он меня порол, как других порют. Но сидя здесь с тобой, думаю, может, ничего в этом плохого нет, что его не было. Каким бы я вырос, одному богу известно. А такой, я сам себе нравлюсь. Всё – таки, давай мы с тобой пригубим винца по капле, за наше хорошее будущее. За это грех не выпить, – продолжал уговаривать Лоб Сергея.

– Ладно, наливай, – махнул Сергей рукой.

– Нет, сам я никому наливать не буду. Черпани сколько тебе нужно, а мне целый стакан наполни?

Беда налил себе, едва прикрыв дно стакана, а Лбу до краёв. Посмотрел на спящих мальчишек. Они спали безмятежно в той же позе:

– Почему интересно они, опьянели так быстро. Неужели отравились? – смотря на Юру Лба, спросил он. – Что – то мне пить расхотелось.

– Не мандражи Серёга. Они отравились не от крепкого вина, а от передозировки. До меня только дошло. Когда мы, вместе выходили в туалет, на тот конец, они оставались здесь. Мы там покурили минут пять, а они в это время точняк хлебнули лишнего. Вот результат их жадности.

Лоб показал рукой на скрючено лежащих пацанов.

– Вот сидим мы с тобой Серый в подвале сейчас, пьём эту мочу с градусами и голубей варёных жуём, а придёт время, когда с тобой в ресторане «Антей» или «Волга», будем заказывать изысканные блюда и пить коньяк и закусывать лимоном с шоколадом. Вот за это я хочу выпить, чтобы это желание сбылось у нас с тобой поскорей.

Они чокнулись и выпили. Голуби Сергею уже не лезли, он был сыт ими по горло. Он больше налегал на лук, чтобы отбить запах спиртного.

– Лоб, что ты всё говоришь загадочно. «Придёт время». Или ты действительно в тюрьму собрался, или что – то удумал? – спросил Беда.

Лоб вдруг энергично замотал головой:

– Ты на меня не смотри, ты парень начитанный, спортивный, с хорошей дворянской родословной. Хотя вас иногда называют каторжанским родом. Видимо успели пошлать твои родственнички ещё при царском режиме? Но белая кость, что у Ивана, что у тебя чувствуется. У тебя и жизнь должна другая быть, а мне предрекли, что долго ещё буду ходить по граблям. Понимаешь, я иногда ощущаю, как будто в меня велосипедным насосом закачали эти грабли,

и они встали внутри, вонзив свои гребёнки и выходить, никак не хотят. Думаю, это с нервами связано, – добавил Лоб.

– Лоб, тебя предрекатель, наверное, заклеил и ты вбил себе в голову эту чушь, сам же говоришь, что книги полюбил, вот и читай их. Они много умного говорят. Если книги читаешь, значит мыслить правильно должен. Всё дело в тебе. Ты взрослый не мне тебя учить.

– Правильно ты говоришь, как Макаренко, а сам зубы Кольке выбил, Салёпу изуродовал. Вчера директора окатил с балкона, и другого негатива много про тебя рассказывают. А говорить умно, я знаю, ты мог и раньше. Вот почему взрослые парни всегда на равных с тобой держались.

– Нет, не за это. С моими двоюродными братьями они тоже нормально дружат. Я думаю всё дело в Иване, Захаре и Часовщике, которого все блатные в городе остерегаются. Я знаю, кто он есть. Знаю практически всех его друзей и знаю, что он не простой Часовщик, а уважаемый твоим миром человек. Я уже не тот маленький мальчик, каким ты меня знал раньше, а вполне созревший мужчина. По секрету тебе скажу, у меня даже женщина была, вот здесь, где спят мои друзья, на этом самом топчане. Я всё понимаю. А насчёт моих подвигов, о которых ты говоришь, – это жизненные обстоятельства подвиги создают. Но внутри у меня, ни граблей, ни вил нет. И я если захочу, могу поступить в любой престижный институт, не смотря, что учусь слабо по некоторым нелюбимым предметам. Я не Ломоносов и не Циолковский, но если растормошить во мне талантливый стержень, который у меня спрятан в ВЧК. То могу быть и как они, а может даже и знаменитее, чем они.

– А что это за ВЧК, – спросил Лоб.

– Выдающаяся Черепная Коробка, – вполне серьёзно ответил, Беда и пальцем постучал себя по голове.

– Вот чешет, вот чешет, – удивлялся Лоб, – с тобой говорить осторожно нужно. А то ума такого наберёшься, что можно идти поступать самому в институт. Тебе бы ещё пять грамм налить, ты мне повеселей, чего может, нагородишь.

Лоб заразительно рассмеялся, что спящие мальчишки начали ворочаться.

– Может растолкать их, – спросил Сергей.

– Пока не надо, пускай поспят ещё, – сказал Лоб, – а после на улицу им нужно на пол часика выйти и потом уже домой идти.

...За дверями раздались шаги, по звуку Серый мог определить, что идёт не один, и не два человека. Не став ждать условного сигнала, он встал и открыл дверь. Вошли Дюк, Салёпа и двое взрослых парней ровесники Лба, Маран и Фока. Оба они жили в этом дворе и работали матросами на маленьком судёнышке. Когда навигация у них заканчивалась, им выдавали огромные деньги, которые они прокатывали со своими близкими и приятелями. Сейчас у них денег не было, и получалась спиртовая взаимность. Их уже все угощали, до новой навигации. Ребята эти были неплохие, – мальчишек частенько брали с собой на судно половить рыбы, или покататься по Волге.

То, что они увидят флягу, опасений ни у кого не возникало. Они были свои и лишнего болтать не будут. Здесь они также бывали и неоднократно, когда мороз на улице, а выпить негде, они шли к Бедке или Туману, с которым жили в одном подъезде, и просили открыть сарай на пару часов. Иногда напивались там до бесчувствия и оставались спать до утра. В этот раз они принесли с собой десять пачек печенья и большую связку копчёной воблы. Первым проснулся Перо и подошёл к столу.

– Это всё наше? – удивлённо спросил он. – Можно есть?

– Вроде бы на нашем столе лежит, но есть нельзя, – ответил Дюк, – для Юрки собираем.

– Эх вы пацаны печенья вам захотелось, а вы вино пьёте сверх нормы, да ещё тайком от нас, – пристыдил их Лоб. – Посмотрите, на свои глаза, они у вас рыбы стали, как вон у той копчёной воблы.

Он кивнул на стол, где, как бельевые прищепки, в вязанке одна к одной лежала приманивающая к себе своим запахом вобла. Они с красными глазами, помятые, виновато глядели в сторону Юры Лба.

– Говорил тебе Перо, что хватит. А ты мягкое вино, как молоко, давай ещё по унции, – укоризненно сказал ему Арбуз.

– Ага, а унции ковшиком отмеряли? – спросил Лоб, – ладно забудем, наука вам на будущее будет. Запомните мягкое вино, тоже хмельным бывает. Вам сейчас надо умыться и на воздух немедленно выйти, а то от вас затхлостью, какой – то тащит за километр. И домой. А то меня подставите. Все знают, что я на свободе.

Он оторвал от вязанки две воблы и протянул им:

– Пожуёте, хватит здесь и Юрке, – остальное припрячем.

Откуда такие деликатесы, никто спрашивать не стал, все знали, что если Маран и Фока появились в подвале, то это от них. Им на флоте часто такие пайки выдавали.

– Мы завтра ещё принесём, столько же, – сказал Фока, – ещё четыре банки сгущённого молока есть и шесть шпрот.

– Продуктов можно попробовать собрать у нас в затоне, – предложил, Маран, – ремонтники утром приходят с похмелья. Возможность будет обменять вино, у них на что – то стоящее. Ремонтники на особом положении у нас, им продукты почти каждый день дают.

– Вы откушайте винца, – предложил Дюк, и открыл крышку фляги, давая им понять, что пить можно без ограничения.

...Они без излишней стеснительности выпили залпом по два стакана, одобрив вкусовые качества вина. Чуть позже в подвале появился двоюродный брат Беды Максим, он тоже не отказался от предложенного ему вина и варёного голубя. Выпив стакан хмельного напитка, и закусив голубиным мясом, Максим не перенося табачного дыма, закашлялся и выбежал из сарая. Следом за ним, не попрощавшись ни с кем, ушёл и Беда.

Дома Сергей тихо прошёл на кухню, налил себе чаю.

Мать, услышав, что сын возвратился с улицы, поспешила к нему. Увидав, что он сам о себе позаботился, спокойно ушла к телевизору. Сергей телевизор в этот вечер не смотрел. Он, как примерный ребёнок, в своей комнате взял в руки книгу Аналитики Аристотеля. С ней раскрытой и уснул.

Рассказ Ивана Беды и выход из подвала

На следующий день, по назначенному времени Серый отвёл Лба к Ивану, а сам пошёл, накормил и выгулял собак. Помог, матери по дому пропылесосить ковры и сходить в магазин, откуда исчезла фляга. В магазине он стал случайным свидетелем эмоционального разговора между заведующей магазином и грузчиками ОРС. Они, не стесняясь покупателей, обвиняли друг друга в нечестности и лжи. Заведующая трясла перед их лицами бумагами, доказывая, что никакой фляги магазин не получал и выплачивать недостачу будут они сами. У неё нет накладных на вино. Она обозвала их хроническими алкашами и ушла в служебное помещение. Сергей сразу понял, о чём идёт речь. Ему было стыдно смотреть на жалкие и растерянные лица грузчиков. Они немного пороптали в зале магазина после ухода заведующей и тоже ушли.

«Что делать? – Думал он. У этих грузчиков, возможно, есть семьи и не исключено, даже такие, как у Портных, которым весь двор помогает, а мы их обокрали», – терзал он себя.

«Надо будет переговорить со Лбом, может он придумает, как исправить положение, – подумал он, – мужиков жалко, пострадают безвинно».

Он занёс домой сумку с продуктами, и направился к Ивану.

...Они сидели на кухне и из молочного бидончика разливали себе вино из подвала. Иван был весёлый и не в меру разговорчив, похоже было, что бидончик этот был не первый, употреблённый ими внутрь. Лоб, красный как помидор, увидав вошедшего Сергея, принялся нахваливать Ивану его племянника и троекратно преувеличивать достоинства Серого. По словам Лба, Беда был чуть не гений. Серый понял, что никакого разговора с ним в таком состоянии не будет, и собрался уходить. Но дядька усадил его около себя, и стал рассказывать про старого друга, с которым они в тяжёлые времена одну пайку ели. Для убедительности он задрал на себе рубашку и показал исписанную спину, которую Сергей знал наизусть.

– То, что у меня на теле, то же самое и у него. Нам один художник набивал, – говорил Иван. – Юра принёс мне добрую весточку, жив мой друг Коля. Только, как я и думал Коля нормальный сиделец, но не в законе.

Иван посмотрел на опустившего голову Лба:

– Всё очень просто, это бывает по молодости. Возвысив друзей среди своего окружения, тем самым он возвышает и себя. Это не большой грех, я бы скорее отнёс это к стремлению идеализации Юриной лагерной жизни. Правильно Юра я говорю? – не отрывая своего колючего взгляда от Лба, сказал Иван.

– Совершенно в ёлочку, – виновато ответил Лоб.

Затем дядька без вчерашней палки, прошёл свободно, но, слегка покачиваясь к серванту, и достал свою шкатулку. Из неё он извлёк портрет, нарисованный опытным художником.

– Вот это и есть Коля Ромб, – протянул он портрет Юре Лбу. – Раньше, фотографироваться нельзя было. Таким образом, мы выходили из положения. Находились умельцы, которые были не хуже наших русских художников, но их талант, возможно, будет признан после их смерти.

Сергею он объяснил, что сегодня у него большой праздник. Отмечает воскрешение близкого друга, который спас его от неминуемой смерти на лесоповале. Коля, который попался с одним драгоценным камушком и получил за это червонец. Но он жив, и он его найдёт и поедет к нему на свидание.

На счастье Сергея домой пришла с детьми Манана, жена Ивана. Она быстро разбила душевную беседу Лба и мужа, которого быстро уложила спать, а Лба культурно спровадила на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.